

Константин Ежов

**Деньги не
пахнут 8**

Константин Ежов

Деньги не пахнут 8

«Автор»

2026

Ежов К.

Деньги не пахнут 8 / К. Ежов — «Автор», 2026

Попаданец в самого себя. Сын эмигранта в США. К настоящему времени миллиардером долларовым не стал, но рублёвым очень даже. Но вот беда, он умирает, от болезни от которой тупо нет лекарств. Таких больных мало, а расходы на доведение лекарства бешеные, потому даже не берутся разрабатывать. И единственный его шанс, это обмануть систему и заработать 50 млрд долларов чтобы профинансировать разработку лекарства которое его и спасёт и поможет тем немногим бедолагам кому угораздило этим заболеванием заболеть. Но увы, уже не в этой жизни....

© Ежов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Константин Ежов

Денги не пахнут 8

Глава 1

Тусклый свет в комнате дрожал, словно нервничал вместе с Джерардом. В воздухе стоял сухой запах бумаги и дорогих духов, а где-то под потолком тихо гудел кондиционер, выдавая напряжение собеседников лучше любых слов. Спокойное, почти ледяное лицо Сергея Платонова не менялось ни на дюйм, от чего под ложечкой неприятно скручивалось.

С трудом удалось проглотить вырвавшееся было ругательство. Ощущение было такое, будто в сухое горло застряло что-то острое.

С первого знакомства этот человек жил по своим меркам: тогда он без тени стеснения потребовал пятьдесят миллиардов за разрыв с Рейчел. И ведь говорил не ради красивого звука – полтора года, двенадцать миллиардов заработка, поразительная статистика.

Но сейчас он смотрел с лёгкой насмешкой, едва приподнимая бровь.

– Даже если сумасшедшие денги на кону, пытался бы решить всё купюрами? – произнёс он тоном, от которого внутри холодок.

Пришлось отвечать спокойным голосом, будто сумма не имела значения и была чем-то вроде цены за обед в кафе. Ложное равнодушие почти скрипело на зубах.

Сергей задумчиво наклонил голову.

– Попроси такой алгоритм – месяц работы максимум, – сказал он небрежно.

Цифры в голове у Джерарда сложились быстро: сто тридцать миллионов в день, несколько миллиардов за месяц. Невыносимо абсурдная сумма. И всё же... отчаяние давило в виски тугими кольцами.

– Возможно ли растянуть оплату? Миллионов по пять в месяц..., – голос звучал натянуто, как старые струны.

Денги были, но трогать доверительный фонд значило бы объясняться с семьёй. А этого допустить было нельзя. Приходилось глотать собственную гордость, словно горькую, давно просроченную таблетку.

Но Сергей отрезал мгновенно:

– Называл цену тебе честно. И повторяю: время ценнее денег. Даже предоплату не возьму, не то что рассрочку.

Логично, просто и неоспоримо. Как удар по столу.

В уголках губ Джерарда дёрнулась бессильная линия. Пришлось искать другой путь, цепляться за любую возможность.

– Связи, положение... это ведь могло бы пригодиться? – спросил он тихо, немного хрипловато.

Наследие маркизского рода – не пустой звук. Но ответ Сергея был острее бритвы.

– Спасибо, не нужно. Справляюсь самостоятельно. И разговор об алгоритме хочу закончить.

Глаза его стали холодными, как заиндевевшее стекло. Будто перед ним стоял не человек, а пустое место.

Тишина сгустилась вязким комком. Перед внутренним взором Джерарда мелькала мысль: никогда ещё денги, влияние, фамилия не оказывались бесполезными. Но этот человек ломал правила.

Пришлось искать новую лазейку.

И тут голос Сергея смягчился, словно сменил тональность:

– Но если есть беспокоящий вопрос, могу дать консультацию.

– Консультацию? С какой стати? – прозвучало почти сдавленно.

– Перед Рейчел есть долг. Хотел бы его закрыть. Говори спокойно.

Имя Рейчел болезненно дёрнуло что-то внутри. Воздух будто стал гуще.

Под словами скрывалась ловушка, и она стала очевидной сразу.

– Если рассказать, долг между вами исчезнет... но тогда долг появится у меня, верно?

Улыбка Сергея оказалась безупречной, неприятно гладкой, как маска.

– Правда? Так бы вышло? – произнёс он с тем самым безупречным выражением, от которого внутри всё перевернуло.

Тонула комната в мягком полумраке, пахнущем горячим металлом от подсвеченных панелей и чем-то терпким, дорогим – духами, что оставляли после себя тонкую вибрацию в воздухе. На губах Сергея Платонова играла такая спокойная тень, что даже стены будто отступали назад, уступая место его невозмутимости.

Такое спокойствие само по себе давило сильнее громких угроз. Хорошо знал он цену любому долгу, прекрасно разбирался, как меняется положение сил, когда один человек обязан другому. И в его голосе сквозило это:

– Возникнет у тебя ко мне обязанность – окажу услугу.

Невыносимо тяжёлые слова. От них в груди будто холодным песком пересыпало.

Долг – не сделка. Это петля, которая затягивается тогда, когда другой решит, и неизвестно, чем потребует заплатить. А человек перед собой – тот самый, что уже однажды встряхивал державу так, что волны от его шагов доходили до самых дальних берегов.

Какие счета он предъявит позже? И хватит ли сил потом ответить на них?

Пока эти мысли тяжело ворочались в голове, Сергей коротко вздохнул, будто устал ждать, и поднялся. На кресле остался едва заметный отпечаток тепла.

– Если помощь не нужна, отправлюсь дальше. Дел ещё много.

Он и правда был готов уйти – шаг, и тень его исчезла бы за дверью. Пальцы сами сорвались с подлокотника, будто живые, и едва слышно прозвучало:

– Подожди!

Сергей остановился, обернулся – взгляд пустой, как поверхность спокойного озера перед бурей.

– Может... выпить перед отъездом? Тут вид с террасы красивый. К тому же говорил же, что хочешь взглянуть на бассейн...

– В отеле есть бассейн.

Повисла тяжёлая пауза. Она царапала слух.

– На развлечения времени нет. Пришёл лишь проверить, требуется ли помощь, а не бездельничать.

Становилось очевидно: такими словами его не удержать. Пришлось чуть наклониться вперёд, чувствуя, как внутри что-то саднит и упирается.

– Просто... есть одна вещь. Мешает. Хотелось бы услышать твоё мнение. Всего минут тридцать.

Сергей слушал молча. Тишина между фразами растягивалась, словно давила на виски руками. Взгляд его был таким, что легко читалось без слов: "Это всё, на что ты способен?"

Пришлось произнести то, что резало по самолюбию, словно острой бумагой:

– Поможешь... буду считать себя твоим должником.

И вот тогда уголки его губ изогнулись в победной ухмылке, от которой кожа на затылке неприятно стянулась.

Он кивнул, взглянул на часы.

– Тридцать минут... это шесть с половиной миллионов долларов.

Пауза. Почти невыносимая.

– Шучу. С брата Рейчел денег не беру. Близкие всё-таки люди, почти.

На крыше пахло ночной прохладой, мокрым камнем и дальними огнями. Сквозь прозрачный край бесконечного бассейна город отражался в воде – Сан-Франциско мерцал как россыпь звёзд, упавших на стеклянную гладь. Лёгкий ветер шуршал в листьях декоративных кустов, словно нащёптывая чужие секреты.

– Итак, что тревожит?

Сергей бросил на панораму лишь короткий взгляд – и сразу к делу.

Пришлось потянуть время, ощущая, как язык будто прилипает к нёбу.

Сергей снова посмотрел на часы. Пришлось торопливо поднять руку в успокаивающем жесте.

– Не то чтобы говорить не хочу... просто сложно решить, насколько можно вмешивать человека со стороны в дела рода...

И это была правда. Стоило старшим узнать о подобном – наследие могли отобрать так же быстро, как кладут печать на документ.

– Понимаю. Важные вопросы требуют осторожности. – Голос Сергея мягкий, но внутри – лёгкое давление, будто небо медленно опускается на плечи.

Пришлось собирать мысли, как рассыпавшиеся по полу стеклянные бусы. С чего начать? Как объяснить хаос, который тянулся уже целый год?

В прошлом году, следуя совету Сергея, были приобретены две марки кормов для животных за невероятные двадцать девять миллиардов долларов. Сумма бешеная, но бренды держались уверенно. Слияние, оптимизация – и открывалась перспектива мощнейшей синергии, почти слышно было, как шестерёнки рынка грядущего начинают проворачиваться.

Но проблема – в дядях. Их голоса всё ещё звенели в ушах:

– Деньги компании льёшь как из пробитого ведра.

– И на какую-то мелочь вроде корма для зверей?..

Даже мать смотрела с сомнением, сдвигая брови:

– Не кажется ли тебе, что ты забываешь о настоящем деле, разбрасываясь на такие проекты?

И что самое неприятное – доля правды в их словах была. Компания "Маркиз" всегда славилась кондитерской продукцией. Корма – лишь побочное направление, почти традиционная прихоть, не более.

Стены кабинета будто впитали в себя запах старых бумаг и пессимистичных разговоров. За тяжёлыми портьерами тлел закат, и его оранжевые отблески ложились на стол, на котором лежали пожелтевшие документы о прошлом рода. Там же хранилась и давняя история о том, как прадед Джерарда разделил сыновей: одному – наследие, другому – утешительный кусок бизнеса, из которого и вырос тот самый корм для питомцев.

Кондитерка всегда была сердцем империи, а корма – всего лишь игрушка, семейная прихоть. Так думали старшие, и запах их презрения стоял в воздухе, как запах затхлой коробки, которую никто не решается открыть.

Но внутри всё гудело иначе. Будто тихим треском шёлка звучала мысль:

"Кондитерское дело увядает".

С каждым годом люди всё чаще отворачивались от сладостей, словно от липкого соблазна, который уже не радовал. Шоколад, карамель – всё это пахло прошедшим временем, будто давно забытый праздник.

А вот мир, где домашние животные становились членами семьи, разрастался стремительно. С каждым месяцем пахло всё сильнее – свежими кормами, витринами зоомагазинов, упакованными в блестящие пакетики надеждами на здоровье любимца. Особенно молодёжь уже жила в этой новой культуре.

И в какой-то момент пришлось взорваться словами, сказанными слишком громко для семейного ужина:

– Нельзя игнорировать рынок кормов! Всё меняется! Именно там двигатель роста!

Старшие выслушали, переглядываясь, будто боялись испачкаться об эти современные идеи, и нехотя позволили:

– Попробуй.

А когда сделки на двадцать девять миллиардов уже были закрыты, началось обычное – запах недовольства, кислый, как перекишее вино, потянулся через весь дом. Претензии, придирки, тонкие уколы.

Сначала приходилось утешать себя:

"Ну, такие уж они. Всегда были такими".

Семья Маркиз никогда не отличалась щедростью или доверием. Таков был их странный обычай, почти ритуал: отец всегда недоволен сыном, сын живёт в страхе допустить ошибку, а дяди, выросшие среди этих правил, лишь развивали их дальше.

Они любили говорить о смене поколений, но власть отдавать не собирались – держали её, как холодный клинок, которым приятно легонько поглаживать воздух, напоминая о превосходстве.

И всё равно внутри теплилось твёрдое:

"Ещё год..."

Всего год – и интеграция брендов завершится, и результаты заговорят громче любого скепсиса.

Но за последний месяц уверенность начала крошиться, словно шоколадная плитка в горячих пальцах.

Сначала появился соперник.

BlueFood – молодая компания с премиальными органическими кормами. Маленькая, но быстрые шаги её звучали по рынку громче, чем стук старых корпораций. Их доля росла стремительно, и отраслевые отчёты уже шептали тревогу.

– Стоило ли вкладывать миллиарды в такие крупные бренды? – цедили старшие, сидя в мягких креслах, пахнущих кожей, и явно наслаждаясь сомнением.

Намеки были прозрачны: лучше было бы купить что-то свежее, современное, вроде BlueFood.

Но внутри всё ещё держалось твёрдо: "Не всё так очевидно".

Бренды, что были куплены, имели мощную базу покупателей, верных годами. Достаточно было объединить их и выпустить премиальную линию – рынок сам бы лёг под такую мощь.

Но на этом беды не закончились.

Ударил сырьевой кризис.

Сначала молочка. В прошлом году цены росли, как бешеные. Пришлось быстро брать фьючерсы – иначе остаться бы без поставок. Но стоило закончиться лету, как рынок перевернулся: избыток, резкое падение цен, и теперь огромные объёмы были куплены по максимуму.

А какао?

Там всё наоборот – ливни, Эль-Ниньо, гибель урожая. Цены росли так стремительно, что на графиках они выглядели, как вертикальная стена. Спекулянты влезали десятками и разгоняли стоимость до безумия.

– Второй промах, – произносили дяди уже не язвительно, а почти приглушённым, опасным тоном.

И эти слова стягивали грудь так, будто кто-то накинуд верёвку и начал медленно затягивать узел.

– Ещё одна ошибка – и всё.

У семьи был закон: трёх промахов наследник не переживает.

И именно в этот момент прозвучало предложение, от которого воздух стал ощутимо холоднее.

– Может, поручить Джерарду стратегию по Китаю?

Китай... главный фронт. Там компания получала половину всей мировой прибыли. Там сходились интересы и кондитерского направления, и агрессивной экспансии кормов.

Любой другой раз такое назначение пахло бы победой. Почти коронацией.

Но теперь... Теперь внутри лишь шевельнулась тревога, как тень от крыла хищной птицы.

Слишком многое вокруг Китая стало зыбким. Страна была огромной, но её экономике уже слышался хриплый, неудобный надлом.

Глухим гулом отдавалось в висках: стране требуется срочно свернуть с разбегающегося производственного пути и шагнуть в сторону экономики потребления. Но в воздухе, тяжёлом, будто после дождя, витало сомнение – справится ли она вообще с таким поворотом. На Уолл-стрит шептались уже почти с тревогой, называя Китай "диким козырем", картой, что способна перевернуть весь стол одним махом.

Сделать прогноз? Почти невозможно. Размышления звучали внутри сухим шорохом бумаги: продолжать ли расширение? Потянет ли народ страны безудержно дешёвое, или настало время выкатывать линейку премиум-брендов? А этот скользкий курс юаня – куда его снова занесёт завтра? Вопросы росли, как сорняки после летнего ливня – цепкие, колючие. Даже спецы разводили руками: ясности ноль.

Всё это досталось... по причине более чем прозрачной. Слишком уж непредсказуем стал китайский рынок. Дядюшки, будь они на моём месте, точно бы угодили в ту же яму – и это было бы ещё мягким итогом. Но вот если Джерарду удастся... Если вдруг прокатит... Тогда они выставят себя мудрыми старцами, выбравшими правильного человека. А если свернёт не туда – на голову обрушится весь груз обвинений. И скажут без малейшего дрожания в голосе:

– Джерард ещё не готов вести компанию.

Но где гарантия, что не пойдут дальше? Чувствовалось почти физически, как пахнет эта затея – влажно, прелой листвой, опасно. Как будто изначально задумывали выкинуть Джерарда за борт наследников. Эти люди способны на что угодно.

И тут мать, уловив что-то в воздухе, тихо предложила:

– Работай со мной.

Слова пахнули теплом, уютной древесной пылью, а на вкус были горьковатыми. Если разработать стратегию вместе, то в случае провала ответственность равномерно ляжет на двоих наследников сразу. Значит, никто не выбросит Джерарда из гонки. Логично, безопасно... правильно.

Но внутри что-то скрипнуло, будто недокрученный болт. Принять её помощь – значит снова примерить на себя удушающую систему "подстраховки", где всё главное решают старшие, а руки младшему оставляют только для черновой работы. Столько лет это давило, словно воротник, застёгнутый до боли.

Хватит. Больше терпеть невозможно. Столько сил вложено, столько подготовлено – осталось одно: время. Ещё год выдержать эту свистящую перед лицом бурю. Год – и приобретённые бренды наконец задышат полной грудью. Тогда первый провал превратится в первую победу, а любой, кто усомнится, подавится собственным сомнением.

Уже виделось, как наследник поднимается на вершину совершенно иначе – без старой плесени, без чужих указок. Своей силой. Своим умением.

Но этот год – решающий. И именно китайский рынок превращался в огромный туман, где рукой махни – пальцев не увидишь. Как шагнуть туда, где даже эксперты ходили ощупью?

Но тут внутри всплыло имя – Сергей Платонов.

Мысль хлестнула искрой: этот тип умудрялся с 80-процентной точностью предсказывать тенденции в здравоохранении. А если приложить его алгоритмы и к китайскому рынку... Кто знает, может, туман хотя бы чуть-чуть разойдётся?

– Закончил думы крутить? – голос Платонова прозвучал резковато, будто металл по кромке стола. Он выдернул из раздумий, оставив лёгкий привкус раздражения.

Раскрывать всё нельзя. Столько риска, столько семейной гнили. Пришлось начать изда-лека:

– Что-нибудь знаешь о китайском рынке?

Хотелось просто посмотреть на реакцию, уловить оттенки в голосе, понять – стоит ли идти глубже. Но Сергей вытянул уголок губ в усмешке – самоуверенной, ленивой, будто уже заранее видел, чем закончится разговор.

И за этой улыбкой, как всегда, шёл удар:

– Да. Сейчас довольно неплохо знаком. Китай всплыл в алгоритме.

– В твоём алгоритме...? Он что, глобальные рынки тоже читает? – слова едва не выско-чили слишком резко.

Насколько было известно, его система была заточена под медицину. Но не успел спро-сить, как Сергей бросил фразу, от которой внутри всё холодком обдало:

– Да. Более того, он предсказал чёрного лебедя в Китае в этом году.

Воздух словно стал плотнее.

– Чёрного лебедя? – шепнулось где-то внутри.

Знакомое выражение – редчайшее событие, переворачивающее мир. Катастрофа, что рвёт экономику, ломает привычный порядок, оставляет после себя глухой звон в ушах.

– Это... произойдёт в Китае?

В той самой точке, где предстоит доказать, что наследник достоин титула. Сердце толк-нулось, будто ударились о что-то твёрдое.

Слова сами сорвались – почти шёпотом:

– Что именно грядёт?

Неожиданно Сергей Платонов выложил суть чёрного лебедя без единой паузы – слова упали ровно, холодно, будто стекло на каменный пол.

– Скоро китайский фондовый рынок обрушится.

Внутри будто что-то дернулось, звякнуло, как от резкого удара ложки о стеклянный бокал.

– Что?

У Джерарда глаза распахнулись так, будто в лицо плеснули ледяной водой.

– Китайский рынок сейчас раздут до нелепости. Шанхайский индекс за год вырос на сто пятьдесят процентов. Проблема в том, что весь этот подъём держится на маргиналке. Люди играют на заёмные деньги, всё завязано на кредитные плечи. По моим расчётам – это пузырь. И он лопнет.

От слов веяло чем-то сухим, металлическим, как запах перегретых проводов перед коротким замыканием. Трудно было поверить... но плевать: если говорит Платонов – игнори-ровать нельзя. Пришлось сглотнуть, почувствовав, как во рту похолодела слюна.

– Когда пузырь рванёт, всё не ограничится падением котировок. Доходы населения про-сядут. Потребительский рынок застынет. А если ещё валютные скачки наложатся...

Глухая пауза.

– ...

У Джерарда напряглись скулы, словно кожу стянуло.

– Обвал китайского рынка...!?

А ведь на Китай приходилась почти половина выручки "Маркиз". Если прогноз Платонова сбудется – это не просто шторм, это цунами, сметающее всё: планы, позиции, наследственные перспективы.

Пришлось выдавить вопрос, будто выталкивая воздух из сдавленной грудной клетки:

– Когда... это произойдёт?

Время – вот что нужно было прежде всего. Момент, когда треснет, когда мир качнётся – знать его жизненно.

Но Платонов покачал головой:

– Точного момента не назвать. Это можно только ловить, отслеживать каждый новый сдвиг.

– Тогда... если заметишь признаки, сможешь сообщить?

– Нет.

Слово прозвучало жёстко, как щелчок по натянутой струне.

– ...?

Только что он говорил охотно, уверенно, как человек, готовый помочь хоть завтра. А теперь – стена.

– Помнишь ситуацию с "Генезисом"?

Конечно. Это невозможно забыть.

"Генезис" – та самая фармацевтическая компания, что взлетела на шестьсот процентов за два дня. Та самая, на которой Джерард проиграл Платонову с оглушающим треском.

И это был тоже чёрный лебедь.

– Чёрные лебеди всегда идут против логики. Даже самые подробные отчёты трудно поверить. Тогда ведь тоже было так?

Молчание легло тяжёлым полотном. Трудно спорить – действительно так было.

– Вот в этом и проблема. Такие события невозможно вписать в нормальную картину мира. В них не верят. Или верят наполовину. Или принимают только то, что удобнее. Из-за этого и случаются самые большие провалы. В случае "Генезиса" несколько старших партнёров в "Голдмане" потеряли состояние именно из-за того, что опирались на половинчатую информацию.

Платонов выдохнул – медленно, с уверенностью человека, который уже принял решение:

– Поэтому информация о чёрных лебедях передаётся только тем, кто соответствует определённым условиям. Это в том числе и ради твоей же безопасности, Джерард. И первое условие – это абсолютное доверие. Но...

Он посмотрел прямо, не мигая – взгляд давил, будто что-то невидимое сжало грудь.

– Ты не доверяешь.

В висках что-то дрогнуло. Джерард подался вперёд почти рефлекторно:

– Ситуация другая. Сейчас всё иначе. Ты всё доказал. "Генезис", Эбола – твои прогнозы подтвердились полностью.

Но Платонов лишь медленно покачал головой.

– Нет. Речь идёт не о доверии наполовину. Не о доверии, которое держится на прошлом опыте. Нужно безусловное доверие.

– Безусловное доверие.

Слова легли тяжёлыми камешками, едва слышно постукивая в голове – как капли, падающие на дно металлической раковины. И легли на воздух густо, будто в комнате распылили мелкодисперсный свинец. И всё же, если нужно вырвать из будущего сведения о грядущей катастрофе, придётся принять даже такие условия – выбора не оставалось.

Пришлось на секунду задержать дыхание, будто собирая остатки решимости в комок, и выдавить:

– Хорошо. Полностью доверюсь... тогда скажешь?

Фраза далась с трудом, словно горло перехватило тугой ремнём. Но Платонов лишь негромко выдохнул и отрицательно качнул головой:

– Благодарю за доверие, но этого всё равно недостаточно.

– Почему?

– Говорил же – это только первое условие. Есть второе, более основополагающее. Это "полномочия".

– Полномочия?

Слово резануло, как наждаком по стеклу. В висках кольнуло, а лоб непроизвольно нахмурился.

Платонов пояснил спокойно, почти ровным тоном:

– Да. Пусть ты доверишься мне полностью, но ведь компания "Маркиз" не движется от твоих решений? Без обид, но власть такого уровня у тебя пока не наблюдается.

И нечего было возразить.

Все эпизоды, что уже видел Платонов, говорили сами за себя: в День Благодарения мать проверяла Джерарда прямо у него на глазах; в споре он полагался на поддержку отца Рэймонда; а в вопросе с кормовым бизнесом приходилось ссылаться на "противостояние старших".

Так себя не ведёт человек, который держит в руках рычаг окончательного решения.

– Такая информация должна передаваться только тем, кто обладает высшей властью. Иначе ей лучше не делиться вообще. Правильнее будет, если переговорю с ними напрямую.

Чёрный лебедь предназначался лишь для ушей семьи, которая реально управляла компанией. Но для Джерарда это звучало пусто, бессмысленно.

Если всё так, толку от этой информации – ноль. Не засчитают, не посмотрят в его сторону, не признают способным вести компанию. Для наследника – мёртвый груз.

И, помимо прочего, существовала ещё одна проблема: старшие ни за что не поверят Платонову. Слишком молодой, чужой, неизвестного происхождения – человек "не из их мира".

– Так нельзя. Сам говорил – первое условие – это "безусловное доверие". Они тебе никогда не поверят. А если подать всё через меня, шанс куда выше...

– Нет. Уже сказал: если человек не обладает полной властью и безоговорочно не доверяет, информация может стать ядом.

– Но... другого выхода нет.

– Тогда значит так. Жаль, конечно.

Платонов пожал плечами легко, с той беззаботностью, от которой внутри всё стеклянно треснуло. Ему действительно было всё равно. Хоть "Маркиз" рухнет завтра, его это никак не заденет – следа на нём не останется.

– Да и не страшно. Когда накроет, вся отрасль качнётся. Падать будут многие, не только "Маркиз".

А Джерарду требовалось прямо обратное: когда других швырнёт о камни, нужно удержаться, выжить, показать разницу, доказать право вести компанию.

Горькая улыбка мелькнула сама собой, и стакан опустел одним рывком – горло обожгло спиртом, пахнувшим дубовой бочкой.

– Чтобы получить полномочия, нужна твоя информация. А чтобы получить твою информацию, нужны полномочия... Замкнутый круг, не?

– Не обязательно. Выход всегда найдётся – если искать.

Пришлось повернуть голову – Платонов уже смотрел в упор, а уголки губ дрогнули в знакомой манере. Та самая улыбка, от которой холодок скользит по позвоночнику, предвещающая что-то опасное, выбивающее почву из-под ног.

Обычным такое предложение быть не могло.

Не могло – если Платонов улыбался именно так.

Пришлось выдавить вопрос, словно проглотить занозу: тяжёлым комом завис он в горле и всё-таки сорвался наружу, дрожащим шёпотом:

– Так что же...?

Сергей Платонов, будто заранее готовый к этой минуте, едва заметно улыбнулся и произнёс спокойно, почти холодно, словно речь шла о чем-то обыденном:

– Попроси, чтобы тебе отдали всю власть в Лентоне. Полностью. На год.

Слова эти ударили, будто внезапно распахнули окно зимой – мороз резанул по коже, дыхание сбилось, в висках застучало глухо. Воздух вокруг дрогнул.

Глухая пауза – и вытянутое лицо Джерарда, словно человек пытается понять, слышал ли он вообще такое. Пару секунд он просто смотрел на Сергея, как на сумасшедшего. Затем, будто опомнившись, резко вздохнул, замотал головой так, что волосы чуть не хлестнули по щекам.

– Это бред! Никогда они мне это не позволят!

Пришлось сдерживать раздражённое цоканье языком – привкус металла коснулся зубов, будто кровь проступила от внезапной злости. Под ногами будто чуть дрогнул пол, хотя, конечно, это только ощущение.

"Хребта нет..." – вертелось внутри липким неудовольствием, словно пальцами коснуться плохо вытертого стола.

Джерард, наследник. Принц без короны, которому ещё предстоит добраться до трона, но который так упорно боится даже взглянуть на него.

Не лучшая ситуация и для собственных планов: в голове шуршали мысли, как сухие бумаги в беспорядке. Каждый шаг, каждое движение приходилось бы согласовывать с верхушкой семьи Лентон – с этими людьми, цепляющимися за власть мёртвой хваткой.

Никакой благотворительности здесь нет. Поток возможностей Лентона, их данные и политический вес – вот цель. Но всё это заблокировано цепями, пока Джерард остаётся только "наследником", а не правителем.

Значит, путь один – посадить его в кресло главы компании. Сделать из принца короля. Роль коронатора, лелеющего будущего монарха, выпадала именно Сергею.

Но сам Джерард словно прятался от собственной судьбы.

– Да хоть на год... Просить абсолютные полномочия... Ты не знаешь мою семью. Никто там не отдаёт власть. Меня там даже толком не признают..., – выдохнул он, сжав кулаки, будто ему холодно.

От его слов воздух будто стал ещё более вязким. В уголках комнаты запах виски смешался с едва уловимой горечью апельсиновой цедры от стоящей рядом посуды.

Пробежал по коже лёгкий смешок – пустой и сухой: хлестнуло изнутри как горькая искра.

Признание... доверие... Эти слова звучали так наивно, будто речь о школьном сочинении, а не о банковских линиях, теневых комитетах и голосах совета директоров.

Если не дают – значит, берут. Это правило старше любого семейного клана. Трон не для тех, кто просит разрешения. Трон – для тех, кто садится.

Похоже, сам Джерард даже не представлял, что путь вверх можно не только заслужить, но и вырвать. Или, возможно, прекрасно понимал и просто старательно отводил глаза, опасаясь раскола, боясь, что семья разорвётся по швам.

Оттого роль Сергея становилась ещё яснее, почти осязаемой: вывести наследника на дорогу, по которой он боится ступить. Повести. Подтолкнуть.

В этом и заключено искусство создателя королей.

Сергей наклонился ближе, так что лёгкий запах чёрного кофе коснулся воздуха между ними, и произнёс негромко, но так, что слова резанули тишину:

– Попробуй. Как можно узнать результат, если даже не пытаться?

Слова Джерарда потухли, будто свеча под внезапным порывом ветра. Смысл сказанного Сергеем Платоновым шёл наперекор всякой логике, и воздух в комнате стал гуще, словно пропитался недоверием.

Но стоило взглянуть в самую цель Джерарда – и становилось ясно: логика там давно умерла.

– Здравый смысл, да..., – прозвучало от Сергея, мягко, почти медовым тоном, но со стальным скрежетом под ним. – По всем правилам Джерарду лет через двадцать поставили бы подпорки, окружили бы советниками, обложили страховочными колесами... И только к пятидесяти осторожно подвели бы к креслу главы. Так устроена система.

Тишина уплотнилась.

Виски в стаканах хранили запах карамельного дуба, а тени на стенах будто слушали.

– То же самое и на рынке. Два года в банке, ещё два – в хедж-фонде, потом десятилетие, пока позволят рулить портфелем. Вот этот путь называется "правильным". Следовал бы он ему – получил бы собственный фонд к старости. Чтобы получить необычный результат, нужны необычные шаги.

Глаза Джерарда чуть дрогнули, словно в зрачках промелькнула вспышка осознания. Перед ним стоял человек, который доказал – можно сломать обычный путь, можно выбить себе дорогу кулаками, головой, зубами, чем угодно.

Но Джерард вдруг вскинул взгляд:

– Ты хочешь, чтобы... сделал то же самое, что и ты?

В словах его проскользнули сомнение и тонкая нота недоверия. Воздух между ними подрагивал, будто от перегретого металла.

Пришлось наклониться ближе, приглушить голос, чтобы не расплескать смысл:

– Путь Джерарда совсем другой. И цель другая. Никто не просит поднимать страну на уши, искать инвесторов в разгар кризиса или устраивать бури в прямом эфире. Всё начинается проще: нужно попросить у семьи право управлять Лентоном на один год.

– Говорю же – это нереально. Они не дадут.

– Конечно не дадут, – прозвучало спокойно, разрезая тишину, – если просто попросить.

На губах Сергея мелькнула спокойная, почти выверенная улыбка.

– Поэтому нужны условия, от которых нельзя отказаться. Например: обязаться покрыть любые убытки за год собственными средствами.

Воздух дрогнул.

– А ещё можно отказаться от части акций. Или – от наследства. Или пообещать уйти из управления навсегда, если результат окажется провальным. Такие слова заставляют слушать.

Холодный вздох сорвался с губ Джерарда:

– И не слишком ли легко тебе рассуждать, когда это не твоя жизнь под угрозой?

Пришлось слегка пожать плечами, чувствуя, как ткань рубашки мягко скользнула по плечам.

– Риск подобного масштаба приходилось брать и не раз. Или забыл, как предлагалось взять на себя половину убытков в прошлый раз?

В висках отозвался отголосок той сделки – будто металлический звон монеты на мраморе. Тогда зарплата в "Голдмане" казалась смешной подушкой безопасности.

"Если бы всё рухнуло, долг этот давил бы до могилы."

Взгляды пересеклись – упрямые, прямые, как два лезвия.

– Награда никогда не достаётся без риска. Чем выше цель, тем глубже пропасть под ногами. Так устроена каждая игра, где ставки высоки.

Джерард замолчал. Губы его побелели от напряжения. Но через секунду он всё-таки прошептал:

– Но... слишком большой риск. А если... если последовать твоему совету – и всё провалится?

– Тогда потеряется всё. И место наследника – тоже.

Глухой стук сердца будто эхом ударил об стены.

– Ты предлагаешь двигаться с мыслью, что можно потерять всё?

Джерард был прав: бросаться в пропасть вслепую – безумие. Так делают только дураки.

Но именно поэтому и нужен коронатор, сидящий рядом. Тот, кто укажет, где ступенька, а где трещина.

– Цель не в том, чтобы избегать риска. Цель – держать его в руках, как прирученного зверя.

Джерард поднял глаза:

– И что... есть способ удержать такого зверя?

Пришлось встретить его взгляд спокойно, без колебаний, будто холодной водой плеснули на пламя:

– Да. Есть.

Глава 2

Стекло в окне дрогнуло от лёгкой вибрации кондиционера, когда прозвучало спокойное, почти равнодушное:

– Если Джерард двинется по прогнозу "Чёрного лебедя", а Лентон всё равно уйдёт в минус – половину убытков беру на себя.

У Джерарда расширились глаза – словно в них вспыхнули два ярких блика, отражённых от настольной лампы. Будто удар по тишине прошёлся глухой волной: такое заявление редко звучит легко.

Внутри же – ровное спокойствие, плотное, как натянутая до звона струна. Смысл был прост: обещание безумное только снаружи.

Пальцы чуть коснулись холодной поверхности стола, и подушечки ощутили гладкий, ледяной лак.

"Потому что известно точно, когда случится обвал..." – промелькнуло где-то на задворках мысли, как запах озона перед грозой.

Дату память не держала, но июнь стоял в голове отчётливо, как жирная отметка на календаре. А с таким знанием риск превращался в фантом, не более чем в тень.

Конечно, никто другой этого знать не мог.

– Ты правда готов пойти так далеко? Зачем? – голос Джерарда дрожал, будто от холода.

Пришлось подарить ему мягкую, почти неуловимую улыбку, будто тронула губы тёплая струя пара.

– Естественно, не просто так. Есть условие.

– Условие? – насторожённость в голосе стала острее, как хруст льда под каблуком.

– Не стану же отвечать за промахи без причины.

Тишина стала плотнее. Стало ясно: коронатор не бывает благотворителем. Между наследником и тем, кто куёт трон, всегда лежит контракт – негласный, тяжёлый, как золотая цепь. Предоставляешь путь к вершине – получаешь взамен нечто равноценное.

– И что за условие? – наконец выдохнул Джерард.

– Появилась мысль пойти в область ИИ. Как смотришь на совместный проект в ветеринарной медицине? Технологии предоставляю, а Джерард – данные для обучения.

Снаружи всё выглядело просто и даже изящно: ИИ плюс данные, один из самых дорогих союзов в мире. Джерард заметно расслабился.

– Если дело всего в этом...

– Хотелось бы открыть проект в течение этого месяца.

Взгляд Джерарда дёрнулся.

– В этом месяце?

– Именно.

– Получается... хочешь награду заранее?

– Можно и так сказать.

Запах свежей бумаги от документов на столе словно стал резче – понадобилось всё как можно быстрее. Чем раньше будут получены ветеринарные данные, тем быстрее начнётся обучение модели. Время имело самый плотный вкус – острое, терпкое, почти металлическое.

Но раскрывать собственную спешку смысла не было.

– Так ведь справедливо.

Плечи слегка повело вверх в лёгком жесте.

– Джерард уверял, что доверяет словам безоговорочно. Но откуда быть уверенным? Между тем половина возможных потерь ложится на плечи уже сейчас. Получается дисбаланс, и его стоит выровнять.

Повисла густая пауза, тяжёлая, как влажный воздух перед ливнем.

– Не нравится – можешь отказаться. Дел неупротивот...

Но стоило подняться со стула – Джерард заговорил поспешно, почти судорожно:

– Нет, дело не в том, что неинтересно.

Слова спотыкались одно о другое.

– Но если следовать твоему плану... придётся внезапно просить взрослых отдать всю власть и параллельно запускать ИИ-проект с ветеринарией? Разве это не покажется странным? Они ведь и так сомневаются во мне.

От стен словно отразился тихий, сухой смешок.

– Умение пробивать решение даже сквозь подозрения и недоверие – и есть сила полной власти. Нужно уметь сказать: "Возьму ответственность на себя, не мешайте". А дальше – показать результатами.

От Джерарда по-прежнему тянуло нерешительностью, будто в воздухе вокруг него зависла вялая дрожь – слабый запах сомнений, смешанный с тяжёлым ароматом старого дерева в комнате. Тяжело было не заметить: парень всё ещё упирался, всё ещё мечется между желанием и страхом.

– Как и ожидалось... силенок пока маловато.

Но корону этому человеку предстояло водрузить на голову во что бы то ни стало. Уже были вложены и слова, и логика, и обещания. Оставалось последнее, самое важное – надавить туда, где тонко.

Голос нарочно стал спокойным, лёгким, почти насмешливым, будто говорится о пустяке.

– Разумеется, можно забыть о моём предложении. В конце концов, решения сейчас принимают старейшины в другом крыле дома. С таким раскладом выступить с инициативой, конечно, тяжело.

Тишина сгустилась, как тёплый пар над чаем.

– Да и незачем рисковать, правильно? Всё ведь идёт своим чередом. Рано или поздно поднимешься до управляющего в своём доме. Самый верный путь – идти безопасно, шаг за шагом. Так спокойнее.

Снова молчание – но теперь натянутое, будто струна.

– А главное: "Если трясогузка решит догнать аиста, только лапы порвёт." Попытаешься прыгнуть выше головы – потеряешь то, что уже в руках. Мудрый движется ровно настолько, насколько способен удержать равновесие. Лидерство подходит далеко не каждому.

Пусть сидит тихо. Пусть склонит голову перед взрослыми.

Не рождён вести. Рождён следовать.

После каждого слова, словно тонким крючком, цеплялось за него сомнение, раздражение, стыд. Наконец, челюсть Джерарда дёрнулась, он шумно втянул воздух и выдавил:

– Не то чтобы... не хочу. Просто решение огромное, нужен... нужно ещё время. Могу ответить позже?

– Конечно.

Кивок вышел мягким и послушным. Решения такого масштаба страшно принимать спонтанно. Каждый риск требует тщательного взвешивания, каждое последствие – холодного ума.

– Подумай спокойно.

Улыбка вышла тёплой, почти заботливой. Но больные, умирающие, процессы времени терпеть не умеют.

– Только свяжись со мной в течение недели.

В отель вернулось с лёгкой усталостью в пальцах и сладковатым запахом кондиционера, и там уже ждала Крейн – сияющая, словно лампа под потолком стала ярче.

Пока шёл разговор с Джерардом, она успела перетрясти несколько AI-стартапов насчёт работы с ветеринарными данными. И, к счастью, отклики были бодрыми, живыми, наполненными интересом.

– Говорят, для ранних моделей – просто сокровище. Для валидации целей – тем более. Данные помогают увидеть базовые биологические механизмы, научить системы распознавать паттерны, повысить точность первых алгоритмов. Клинические стадии, конечно, требуют человеческих пациентов, но...

– То есть ценность – именно на раннем этапе.

– Да. Сказали, готовы начать хоть завтра, если дадим данные. Когда сообщать, что мы их доставим?

– Через месяц.

– Месяц? – Крейн моргнула, будто от резкого запаха спирта.

Ответ пришёл лёгким, расслабленным, словно пальцы перебирали тёплый песок.

– Есть шанс заполнить партнёра получше. Возможен совместный проект с сетью ветеринарных клиник.

– Это... отличная новость. Но уложимся ли мы в месяц?

– Нужно подготовить договор, подписать MOU и запустить маленький пилот. Всё в течение месяца. Тогда и совместная история, и партнёрство начнутся одновременно.

Крейн нахмурилась, как будто представляет тесный календарь, забитый до краёв.

– Но месяц всё равно очень мало...

– Нет, успеем.

Вся конструкция держалась на решении Джерарда. Но подтолкнуть его – дело нехитрое, стоило лишь нажать на нужную жилку.

– Раз уж размышления его всё равно крутятся вокруг этого... почему бы не щёлкнуть по нерву ещё разок?

Телефон лёг в ладонь с приятной прохладой, пальцы выбили короткое сообщение.

– Если подумать ещё раз, лучше не лезь. Держись безопасного пути.

Джерарду всегда больно попадать под провокации. Стоит лишь ткнуть – и трещина пойдёт глубже. А не пойдёт – так можно нажимать снова и снова, пока не сломается.

С Джерардом вопрос был почти решён.

Теперь оставалось другое...

"Следующее поколение ИИ, значит..."

В ответ на обещание вложить в проект Алекса ошеломляющий миллиард долларов было выдвинуто одно-единственное условие: держаться подальше от Старка. Ни сотрудничества, ни совместных разработок, ни кулуарных встреч.

Примет ли он такую сделку?

К счастью, ответ пришёл – твёрдый, как щелчок застёжки.

В последний день под калифорнийским солнцем Алекс подошёл, пахнувший дорогим кремом после бритья и свежим кофе, и произнёс:

– Сделаю, как ты сказал. Пусть основателем остаюсь только я.

– Уверен? Включу это как обязательный пункт. Нарушишь – заберу весь объём инвестиций.

– Да, обещаю. Команда всё обсудила, и мы считаем, что так правильно.

Вот уж где по-настоящему ощущалась тяжесть и власть денег. Как будто пахнуло раскалённым металлом в кузнице: ни известность Старка, ни его громкое имя не могли тягаться с запахом миллиардного предложения.

Дальше разговор перетёк в рабочие детали – куда пойдут средства, какие сроки проектов укажем, как оформим черновик соглашения. Между страниц бумаг пахло пластиком принтера и чуть тёплой электроникой ноутбука.

Даже роль в совете директоров обсуждалась спокойно, без суеты:

– Будешь появляться на ежемесячных заседаниях, и также возглавишь эксклюзивную команду по проекту Каслмана...

Всё шло ровно, будто колёса дорогого авто катились по идеальному асфальту.

Когда обговорили почти всё и готовились расходиться, вопрос сам сорвался с губ:

– Допустим, дадим все данные и сможем сотрудничать с другими стартапами. Сколько уйдёт на создание модели ИИ, которая действительно сможет работать с Каслманом?

Алекс помедлил, поигрывая пальцами, словно ощупывал невидимую границу возможного:

– Честно... сложно сказать. Может, года три-четыре?

Три-четыре года.

Слишком долго. Воздух будто потяжелел.

– Нужно ужать срок до двух лет.

– Двух? Подождите... Даже три-четыре – это самый оптимистичный прогноз!

– Наша задача – разобраться, как это сделать.

Уже известен правильный путь развития ИИ, так что долгая возня и слепые эксперименты тут ни к чему. Значит, можно продвигаться гораздо быстрее.

Два года – не предел.

– Хорошо бы ещё сильнее ускорить... но в реальности это необходимый минимум.

А до тех пор, как и с Диланом, придётся принимать решения, полагаясь на состояние пациентов и аккуратно нажимая на курок в нужные моменты.

Встреча подошла к концу, рукопожатие вышло тёплым, чуть влажным на ладонях от духоты помещения.

– Тогда будем работать вместе.

– Разумеется. И как обещал – к Старку первым не подойду, можешь не переживать.

Но в словах Алекса скользнуло что-то тревожное, еле уловимое, как холодок по спине.

Через несколько месяцев Старк сам выйдет на Алекса. И тогда что произойдёт?

Что он скажет, когда откажет ему?

И если при этом всплывёт моё имя? Старк примчится моментально, будет требовать объяснений, задавать вопросы, вцепится, стальной хваткой.

И именно этого необходимо избежать любой ценой.

"Лучше держаться от него подальше."

Решение вспыхнуло мгновенно.

– Ещё одна просьба. Если вдруг встретишься со Старком позже... пожалуйста, не упоминай моё имя.

– Простите? – Алекс заморгал, будто запахло ему в лицо неожиданным ветром.

– Не хочешь, чтобы тебя называли при Старке?

– Моё неприятие его участия связано исключительно с внутренней структурой организации. Если он воспримет это как личный конфликт – возникнут сложности.

– Понимаю. Не волнуйся.

Но выдох не принёс облегчения. Сомнение всё ещё зудело где-то под кожей.

– Говорю серьёзно. Если возможно, стоит даже добавить пункт о конфиденциальности в сам контракт.

– Что? В контракт?

– Если хоть тень слуха просочится наружу, это может ударить по другим проектам.

Сказано это было спокойно, но воздух вокруг будто стал плотнее, вязкий, как пар в закрытой ванной. Алекс смотрел растерянно, словно пытался уловить скрытый смысл, но отступить было некуда. Даже сотрудники не должны были случайно обронить лишнее слово. Имя не должно дойти до ушей Старка – никогда.

– Рассчитываю на тебя.

Калифорнийская поездка завершилась оглушительным успехом – солнечный привкус на коже, лёгкий запах океанской соли на одежде и тяжёлые папки с документами под мышкой словно говорили о победе громче любых слов.

Вернувшись в Нью-Йорк, пришлось погрузиться в ворох договоров, словно нырнуть в тёплый поток бумаги, пластика и свежей типографской краски. Каждая подпись щёлкала, словно крошечный замок. Всё шло гладко, ровно, как повторяющийся ритм лифта в корпоративном здании.

Ни больших проблем, ни новых проектов на горизонте, только спокойные дни. И с таким количеством свободного пространства появилось время помочь Джерарду. Если удастся заставить его почувствовать долг...

Но с этой передышкой в голову прокралась другая мысль, тихая, как шорох страниц в пустой библиотеке.

– Кстати...

Раз уж речь о долгах... у самого имелся один.

Точнее, два.

И оба – перед Пирсом.

Когда-то, в те давние голдмановские времена, пришлось обратиться к нему сначала за командировкой к объектам Теранос, а затем – за поддержкой в создании группы для проверки компании. Долги эти повисли, будто незавершённые фразы в воздухе. С тех пор прошло немало времени, положение укрепились, имя зазвучало громче, чем раньше... а Пирс всё молчит.

"Ждёт? Тянет резину, чтобы получить по максимуму?"

Чем выше поднимаешься, тем ценнее становишься для кредитора. Но всё же внутри что-то неприятно шевелилось, как холодок под рёбрами.

Что если он решит напомнить о долге в самый неподходящий момент, когда что-то важное трещит по швам?

Мысль казалась липкой, отвратительной. Планы не должны зависеть от чужих капризов.

Вывод был один.

– Лучше вернуть всё сейчас, пока руки свободны.

И как раз подоспело событие, подходящее по времени. Если память не врал, на горизонте для Голдмана маячила нехилая буря.

– Что если вмешаться и предотвратить беду заранее?

Пирс, конечно, попытается отказаться – скажет, что рано, что ещё пригодится. Но это уже не его решение. Если платить, то платить полностью.

С этой мыслью было набрано короткое сообщение:

"Свободен в ближайшее время? Можно поужинать вместе."

Ответ прилетел почти мгновенно, будто Пирс всё это время держал телефон в руке:

"Что случилось"

"Хоть сегодня могу подъехать"

"Ты сейчас в офисе?"

Сообщения посыпались одно за другим, не оставляя паузы даже на вздох.

"Что за...? Неужели что-то горит?"

Пальцы зависли над клавиатурой в поисках ответа, но дверь кабинета тихо щёлкнула. Секретарь просунула голову:

"Шон, к вам посетитель."

"Не может быть..."

На секунду мелькнула мысль, что Пирс умчался сюда сломя голову. Но она рассыпалась, как песок, когда за спиной секретаря возникла знакомая фигура.

Светлые волосы, зелёные глаза, безукоризненно выплаженный костюм – Джерард. Но сегодня лицо у него было мрачным, как пасмурное утро перед грозой.

Секретарь аккуратно закрыла дверь, и только после этого Джерард шумно выдохнул и произнёс:

– Сделал это.

На него посмотрел спокойно, мягко, будто стараясь не спугнуть вспышку его решимости. Кончики пальцев слегка коснулись края стола, ощущая гладкость лака.

– Сядь. Расскажи, что именно случилось.

Тонкие пальцы Джерарда нервно теребили край рукава, пока он мялся у дверей, выпуская из груди беспорядочные обрывки фраз. Голос дрожал, перескакивал, словно тонкая струна, которую кто-то дёрнул слишком резко.

– Что происходит? – сорвалось с губ само собой, хотя воздух в кабинете уже и так звенел тревогой.

Мычание в ответ. Неловкое, сбивчивое:

– Ну... Тут... в общем... какая-то проверка была... вроде бы... и, кажется, всё там запутал...?

Слова путались, будто в ладони легла спутанная мотокером пряжа – ни конца, ни начала, только нервные узлы. Пришлось почти десять минут мягко выуживать из него хоть что-то внятное, но разговор так никуда и не сдвинулся.

– Надо сперва успокоиться.

Тяжёлая дверца шкафа тихо скрипнула, выпуская наружу запах дубовой стружки и старого алкоголя. Под руками холодил стеклянный бок, в котором густо переливался старый "Макаллан" – пятидесятилетний, с маслянистым отблеском янтаря. Налилось два коротких глотка – горьковатый аромат яблочной кожуры, дымка, терпкий мед.

– Сделай глоток.

Джерард не стал тянуть – опрокинул всё разом. Глухой стук бокала о стол, тяжёлый выдох, плечи чуть опали, будто груз ненадолго отпустил.

И тут же – будто заслонка в голове щёлкнула.

Нашлось наконец место словам.

– Дяди заявили, стали расспрашивать о стратегических планах в Китае на средний и дальний срок...

Картина постепенно собралось по кусочкам. Дяди поручили ему разработать долгосрочную китайскую стратегию. Недавно устроили проверку, заслушали промежуточный доклад – и мнения столкнулись, как два вагона в одном тоннеле.

– Сказал им, чтоб не лезли! Что раз уж дают задание – значит, это проверка. А ответы чужие использовать нельзя. Сказал, что в документ попадает только то, во что действительно верю. И если что-то провалится – беру ответственность на себя.

– Дяди это одобрили?

– Ну... скажем так... не совсем... Они хотят сначала выслушать весь план, а потом уже решат...

Полные полномочия ему пока не выдали. Но и не отказали – решение отложили до презентации через три дня. Если выступит хорошо, есть шанс, что дадут *carte blanche*.

Неплохая позиция – по крайней мере, со стороны это так выглядело. Но только не для самого Джерарда.

– Да что со мной произошло? Не стал бы так орать в нормальном состоянии! Просто эти бессонные ночи, стресс... всё навалилось...

Стресс. Тяжёлое слово. Отдавало лёгкой виной где-то под рёбрами – ведь немалая часть нагрузки легла на него после моих аккуратных подталкиваний.

Впрочем, теперь жалеть было поздно.

– Ладно. С этого момента поможем.

Вторая порция виски легла ему в ладонь, согревая кожу через стекло. Лёгким жестом разговор был направлен туда, куда хотелось его повести – обратно к корню проблемы.

– Давай сначала. Медленно. Какой именно план ты им показал, что дяди так взвились?

Тон мягкий, внимательный – и незаметная разворота в сторону его влиятельных родственников. Под кожей приятно кольнуло чувство – ценная информация начала складываться в цельную картину. Чем больше удавалось вытянуть из Джерарда, тем увереннее ощущалась почва под ногами. Всё-таки роль коронодела – штука тонкая: чтобы посадить Джерарда на его будущий трон, требовалось разбирать не только его самого, но и окружавших его игроков, их привычки, амбиции, методы давления и даже то, какие бизнес-подходы им ближе по духу.

Оказалось, дяди стремятся к офлайн-наступлению – к россыпи флагманских магазинов в крупных городах, к этим стеклянным хранилищам бренда, наподобие "эппловских" храмов. Но рынок недвижимости сейчас трещал, будто высушенная глина, – и спор с ними вышел предсказуемый. Стоило лишь Джерарду возразить, как те немедленно перешли на назидания, упреки, вспоминание каких-то старых побед – мол, молодёжь ничего не понимает, надо слушать старших.

По описанию нетрудно было представить их типаж: классические мастера перекладывать ответственность. Те самые, что при каждом удобном случае всовывают "совет", а если предложение рушится – разводят руками: "Так это же просто мнение было, изучить должен был ты". Но стоит делу выстрелить, заслуги мгновенно приписываются им: "Разве не говорил, что так надо делать?"

И сейчас было то же самое – выдали поручение, потом начали навязывать своё видение, а в итоге довели парня до вспышки, после которой он, не выдержав давления, послал их подальше.

Парачасовое общение вскрыло несколько занятных деталей.

Во-первых.

Под обволакивающим светом настольной лампы стало очевидно, что ум у Джерарда намного острее, чем казалось. Мысли цеплялись друг за друга аккуратно, его выводы стояли на твёрдой логике. Вместо дорогостоящих постоянных бутиков он предлагал временные рор-ур площадки, обходя провалы на рынке недвижимости. Планировал заход в стремительно растущий рынок лайв-коммерции – и угадывал то, что вскоре станет промышленным взрывом в Китае. Такие ходы были умными, гибкими, продуманными.

Во-вторых.

Недостаток уверенности был не чертой характера, как казалось поначалу. Корни уходили куда глубже. В его голосе сквозила привычная вина:

– Пока не заслужил их доверия... пока сам недостаточно хорош...

Звучало это так, словно каждое сомнение когда-то вбивали ему привычно и методично. Как маленьких слонов, которых в детстве приковывают тонкой верёвкой и бьют, чтобы те поверили, будто никогда не смогут вырваться, – так и в нём, видимо, с детства пробивали условный рефлекс послушания. И теперь, даже обладая достаточной властью, он внутренне не мог позволить себе перечить старшим родственникам.

Этот узел ещё предстояло разорвать.

И наконец – самое важное, третье наблюдение.

Алкоголь он держал хуже, чем тонкие ножки бокала держали янтарную жидкость. Пара глотков виски – и лицо порозовело, движения смягчились, мысли потекли свободнее, будто ослабили ремни, которые он всё время невольно держал натянутыми.

Слишком слабая стойкость к спиртному... и слишком удобный рычаг для тех, кто умел слушать. Как только в нём растеклось первое тепло алкоголя, слова посыпались так легко и свободно, будто кто-то подлил в бокал сыворотку правды. Стоило ему пригубить – и потекли признания, наблюдения, обиды, факты, тонкие намёки. Странно даже, что ни одному из взрослых игроков вокруг него это прежде не бросилось в глаза. Ведь для того, кто собирает информацию, такой собеседник – почти подарок судьбы.

После окончания обсуждений мягко скользнуло предложение:

– Раз уж выдался такой случай... может, пропустить ещё по одному?

– Здесь?

– Нет конечно. Но настроение какое-то подходящее. Да и тему теории Черного лебедя хотелось бы продолжить.

Небольшая пауза, короткая внутренняя борьба – и кивок. Обещание поделиться кое-какими мыслями сделало своё дело.

Прокатил Джерарда по нескольким тихим лаунжам, где музыка текла едва слышной струйкой, воздух пах миксом дорогого дыма и цитрусовых масел, а бармены двигались почти беззвучно. Но вопреки ожиданиям, парень почти молчал. Всё, на что хватало его раскрепощения:

– Ненавижу собственное имя... Джерард звучит так по-стариковски...

Но, стоило словам слететь с губ, он мгновенно начинал метаться взглядом, будто проверяя стены на предмет лишних ушей.

Осторожность шла за ним тенью. Даже когда сняли отдельную комнату в закрытом элитном клубе – реакция оставалась той же. Паранойя, воспитанная годами, вцеплялась в него намертво.

Пришлось предложить другое:

– Как насчёт следующего бокала у меня дома?

Мысль сама по себе не радовала. Собственное жильё – место, куда никто не должен проникать. Личная территория, пространство тишины, которое тревожить неприятно. Но стороны безопасности такой вариант был почти идеальным: лишние глаза отсутствуют, посторонних нет, риск утечек стремится к нулю. А вопросы, которые хотелось затронуть, касались слишком тонких областей – политического веса его семьи, их скрытых рычагов, внутренних связей.

Пришлось вести его в пентхаус.

– Так ты здесь живёшь? Это же... огромное пространство для одного! – выдохнул он, едва увидел панораму ночного Нью-Йорка, раскинувшуюся за стеклянной стеной.

Удивление и восторг катались в его взгляде, но границы пришлось сразу обозначить:

– Экскурсия будет утром. Ванная – туда.

Чёткая линия, чтобы ни шагу за пределы нужных комнат.

В гостиной мягкий свет отражался от стекла бутылок, и несколько следующих тостов разогрели его куда сильнее, чем многолюдные клубы. В уединении язык у него развязался, мысли потекли шире, глубже, смелее. Жаловался долго – но среди жалоб драгоценные крупницы выплывали сами собой.

– У нас в семье... как бы сказать... маниакальность прям... ну, одержимость. Такие семьи часто теряют состояние. И народ уже переживает, что... хм... Маркизы тоже могут... ну... пойти по этому пути... упадка, вот.

Его слова пахли страхом и старой семейной дисциплиной, словно вино, перекишшее в бочке. А в тишине пентхауса они звучали особенно чётко, особенно честно.

Туманно звучали его слова – будто перекачивались по комнате, цепляясь за запах разлитого виски и тёплый воздух. Но смысл всё-таки проступал, отчётливо, как тёмные линии на старой карте.

– Так значит, бояться, что род прогорит? – тихо сорвалось с губ.

Разумеется, бояться. Далеко не каждому роду удаётся дожить до пятого поколения, не растеряв всё нажитое. Слышалось однажды, что больше половины старых семей распадаются к третьему – словно трескаются под собственной тяжестью.

Джерард тяжело опёрся локтями о стол, и слабый запах древесного лака смешался с алкоголем.

– Когда мелкими были... дядьки таскали племянников на охоту. В Вирджинии, помнишь? Усадьба эта наследная... они туда каждый год ездят... А меня? Ни разу... ну... да, ни разу не позвали.

Когда-то Джерард вообще не значился среди наследников. Кандидатов было несколько, но всех постепенно вычёркивали, словно строчки в ненужной ведомости, а Джерард в итоге подняли повыше – потому что остался единственным, кого не нашли за что выбросить.

И причины этих "вычёркиваний" звучали как издёвка.

– У нас никто имена свои не любит. Старорежимные, да. Мне тоже... ну какое это имя – Джерард в наше время... да и у остальных так же. Бернارد, Эдмунд... Вальтер... ну смешно же. А был один двоюродный, помню... ревел в детстве, что имя своё ненавидит. Всё, его выкинули. За то, что в двенадцать лет ляпнул!

Выбросить ребёнка за детскую обиду на собственное имя.

– А другой... пропустил благотворительный семейный вечер. Катался на лыжах с друзьями. И его – под нож. И ещё один был! На школьном спектакле слова забыл. Всё, досвидос, лишён наследия.

Один пропустил мероприятие – вычеркнут. Другой забыл реплику – вычеркнут. Всё – повод.

Джерард говорил сбивчиво, слова у него путались, натыкались друг на друга, но суть просвечивала: их род отсеивал наследников по самым нелепым поводам. А ему, чудом каким-то, удалось пройти через эти фильтры.

Сжимало грудь от одной мысли об этом.

– Тяжко тебе пришлось... – выдохнул тихо, почти шёпотом.

Веки у него поползли вниз, словно тяжелели на глазах.

– Устал? Давай вызову такси?

– Чего? Не... нормально...

Он покачивался, как человек, пытающийся удержаться на зыбкой палубе, и упрямо твердил, что с ним всё в порядке.

Да только видно было – ни в каком он не порядке.

Взгляд у него стекленел, полузакрытые глаза едва удерживали фокус. Казалось, вот-вот рухнет.

Стоило выйти в ванную на пару минут, как при возвращении Джерард уже мирно спал на диване в гостиной – дыхание мягкое, глубокое, будто всё напряжение последних лет наконец провалилось куда-то внутрь.

– Джерард?

Плечо было тёплым под пальцами.

Сначала лёгкое касание, потом потяжелее – но он не шелохнулся.

– Да ну на..., – пробормотал в пространство.

– Джерард, в каком ты отеле остановился?

Тишина. Только ровное, сонное сопение.

После короткого раздумья пришлось набрать Рейчел.

– Рейчел, нужно отвезти Джерарда, но адрес его отеля неизвестен. Да и спрашивать сейчас бесполезно.

– Отеля?

В голосе Рейчел мелькнуло удивление.

- Да он обычно у нас живёт, когда приезжает. Я сейчас за ним заеду!
- Не надо, просто дай адрес – довезу сам.
- Нет-нет, сейчас буду.

Глава 3

Рейчел, конечно, не смогла бы одной перетащить обмякшего Джерарда – сил у неё на такое не хватило бы. Всё равно пришлось бы подхватывать его на руки, а гонять девушку туда-сюда смысла не было ни малейшего. Объяснил ей это спокойно, по пунктам, но она упрямо не назвала адрес.

– Просто... в доме много людей, которые знают Джерарда. Если увидят, что кто-то посторонний вносит его на руках...

Сразу стало понятно, в чём дело.

В семье, где наследников вышвыривают за пустяки, появиться на пороге в беспамятстве, притащенным неизвестно кем? Готово – лишение статуса обеспечено.

– Я... я сейчас приеду! Немедленно!

Оставалось только продиктовать ей свой адрес. После гудка повисла тягучая тишина. Взгляд прошёлся по комнате: стаканы кое-где поблёскивали, бутылка виски наполовину опустела, подушки валялись по всем углам, словно тут пронёсся шквальный ветер.

А этот тип растянулся на диване, широко распластав руки, и вид у него был такой, что раздражение поднималось горячей волной.

Ну... хоть убрать всё это, раз уж гость скоро будет.

Подушки легли на место, стаканы исчезли со стола, и вскоре в воздухе заструился тихий аромат свечи, перебивая тяжёлый перегар.

Но едва удалось присесть – звонок.

Дин-дон.

"У вас посетитель мать его."

Рейчел примчалась.

Едва пятнадцать минут прошло.

Она вышла из лифта будто совершенно другой человек: поверх пижамы накинуто пальто, мокрые волосы прилипают к шее, в руках тяжёлая экосумка. Даже дыхание у неё ещё сбивалось, как после бега.

– Где Джерард?

– Там...

Стоило указать в сторону гостиной, как она сорвалась с места – лёгкий вихрь и едва уловимое облачко запаха осталось на её пути. Нежный, интеллигентный аромат, в котором свежая цитрусовая прохлада сплеталась с мягкой амброй. А под всем этим – знакомая интонация какого-то экзотического шампуня, от которой мысли на секунду поплыли.

Пока память пыталась ухватить этот запах, Рейчел уже устроилась рядом с Джерардом и начала копаться в своей сумке, сосредоточенно и быстро, словно медик на вызове.

И из всех возможных вещей достала...

– Апельсиновый сок?

– Ну... Джерард с ним быстро трезвеет...

Как будто антидот. Алкоголь – сыворотка правды, сок – противоядие. Забавная у него физиология.

– Джерард?

Она открыла бутылку и попыталась дать ему глотнуть, но тот даже не шелохнулся – полностью отключился. На лице Рейчел проступала всё более напряжённая тревога.

– Если немного подождать, он должен прийти в себя. Можно посидеть здесь, пока он проснётся?

Улыбка вышла спокойной, даже гостеприимной.

– Конечно. Может, хочешь что-нибудь выпить, пока ждёшь?

– А? Эм... ну, если можно...

Вот он – подходящий момент.

Почему бы не выудить немного информации, пока такая возможность сама в руки идёт?

У Маркизов смена власти непохожа на технократический корпоративный процесс. Это семейное предприятие, а значит, есть секретные правила, внутренние клятвы, договорённости... всё скрыто под семью замками. Даже будучи пьяным вусмерть, Джерард ни слова лишнего не проронил – наверняка понимал, что лишится наследства, стоит только проболтаться.

Рейчел же – другое дело. Вместе мы близко общались, да и никаких привилегий наследницы у неё нет, осторожничать ей меньше причины.

– Давай-ка отнесём его в гостевую.

Разговаривать о семейных делах при личности, способной внезапно очнуться, – плохая идея. Следовало убрать его подальше. Но Рейчел замялась.

– А? Это... слишком уж хлопотно...

– Куда хлопотнее держать его в центре комнаты. Скорее мне неудобно, что он тут разлёгся.

– ...

Пришлось подхватывать этого чертова Джерарда.

И, разумеется, он оказался куда тяжелее, чем выглядел.

Тело, обмякшее от алкоголя, висло как мешок с мокрым песком, а внутри уже приятно шумело своё собственное опьянение, так что шаги давались с трудом.

– Я... я помогу!

– Оставьте, не стоит.

Хотя на самом деле "не стоило" отказываться.

Идея взвалить эту тушу на спину с треском провалилась, так что пришлось волоочь его, перекинув тяжёлую руку через плечо, чувствуя, как немеют мышцы. Гостевая комната вдруг показалась находящейся на другом конце света, а коридор – бесконечным.

– И зачем было покупать такой огромный дом?

Но, скрепя сердце и стиснув зубы, добраться всё же удалось.

Только возникло желание сбросить этот мёртвый груз на матрас, как раздалось звонкое:

– Постойте!

Рейчел метнулась к кровати, откидывая одеяло.

Эти жалкие несколько секунд ожидания показались вечностью – спина ныла, руки дрожали от напряжения, удерживая вес.

– Готово.

Подавив дикое желание просто разжать руки, тело Джерарда было аккуратно опущено на постель – с той же бережностью, что демонстрировала девушка.

И пока Рейчел укрывала его, пришлось помочь расправить складки...

– ...!

Её глаза округлились, скользнув взглядом по запястью.

Из-под закатанного рукава предательски выглядывали чернильные буквы. Имена: Дилан и Светлана. Рукав был тут же судорожно одёрнут вниз, а с языка сорвалось неуклюжее оправдание:

– Бывает, блокнота под рукой нет, вот и чиркаю прямо на коже по привычке.

– А, понятно...

Уже в гостиной в её руки переключал бокал с приготовленным коктейлем. Повисла тягостная, липкая тишина. Даже если татуировка и похожа на небрежные каракули, неужели она поверит в столь жалкую ложь? Впрочем, поднимать эту тему снова было бы верхом глупости. Пока длилось замешательство, тонкий аромат её шампуня вновь коснулся обоняния, затуманивая рассудок. Но тут Рейчел первой нарушила молчание.

– Эм... а можно спросить, что говорил Джерард?

Вопрос мгновенно протрезвил, вернув мысли в нужное русло. На лице тут же была изображена кривая ухмылка, а губы произнесли:

– Он немного разоткровенничался. Упоминал своих дядюшек...

– Что? Только не говорите, что...!

Лицо девушки мгновенно побелело, словно мел. В глазах читался ужас: неужели пьяный брат выболтал секреты семьи маркиза?

– Разумеется, дальше этих стен ничего не уйдёт.

– Нет, дело не в недоверии к вам... Просто страшно, вдруг кто-то ещё услышал...

– Беспокоиться не о чем. На улице он почти молчал.

– Слава богу, но всё же...

Даже после этих слов тень тревоги не сошла с её лица, что вызвало странный укол разочарования. Казалось, между нами уже возникла прочная связь доверия, и всё же – такая реакция? Это лишь подтверждало, насколько драконовскими были порядки в их семье.

– Значит, просто так она душу не изольёт.

Не велика беда. Характер Рейчел уже был изучен достаточно хорошо.

– Если подать это под соусом помощи Джерарду, она заговорит.

Иными словами, нужно было создать ситуацию, где у неё не останется иного выбора. Задача не из сложных, но...

– Что именно говорил Джерард?

Её прозрачные зелёные глаза устремились прямо в душу. Полные тревоги, но абсолютно лишённые подозрений – чистый, наивный взгляд. Хоть праведником себя назвать сложно, обманывать столь искреннего человека было слегка не по себе, где-то внутри заскребли кошки. Но.

– Что ж, ничего не поделаешь.

Выудить информацию через Рейчел куда быстрее и надежнее, чем снова пытаться Джерарда. Неприятное чувство было загнано вглубь, а лицо приняло предельно серьёзное выражение.

– По правде говоря... есть подозрение, с Джерардом стряслась беда.

– Некоторое время назад Джерард обратился за помощью. Сказал, что хочет воспользоваться мощностью моего алгоритма для дела, связанного с Маркизом.

Глаза Рейчел распахнулись так, будто воздух вокруг неё вдруг стал гуще. Услышать, что Джерард сам пришёл к Сергею Платонову... такого от него никак не ожидалось. Тот ведь годами уговаривал её держаться подальше от Сергея, словно тот был ходячей угрозой. Если уж решился переступить собственные запреты – значит, совсем прижало.

Тихий голос Сергея наполнил комнату тёплой, тревожной вибрацией.

– Ты много чем помогла. И Джерарду могу помочь тоже... но перед этим хочу кое-что понять.

Слова его ложились мягко, но под ними чувствовался холодный, точный интерес, будто он нащупывал в темноте скрытую пружину.

– Не похоже всё это на обычное самолюбие главы крупной компании. В Джерарде чувствуется не амбиция, а отчаяние. Будто его кто-то догоняет. Почему он так загнан?

Рейчел будто проглотила воздух. Сергей попал точно в нерв.

Потому что мотивы Джерарда прятались куда глубже поста наследника. Гораздо глубже. Он хотел одного – признания. Настоящего.

Семья её матери всегда жила в доме Маркизов как чужие на балльном полу: ходить можно, танцевать нельзя. Дядя, что сейчас держали власть, и мама Рейчел, Джуди, были лишь напо-

ловину родными. Она ведь родилась от второго брака бабушки. Он её обожал, но стену всё равно поставил: наследство оставил, а доступ к управлению – никогда.

Но говорить об этом... трудно. Слишком личное, слишком хрупкое.

Сергей, заметив её нерешительность, мягко сделал шаг назад.

"Если тема болезненная, давить не стану."

Пауза растянулась. Лёгкий запах свечи смешался с ароматом мокрых волос Рейчел – тонких, прохладных, с пряной нотой какого-то незнакомого кондиционера. Сильно бил в память.

– Просто реши сама, Рейчел. Стоит мне вмешиваться или нет?

– Мне... решить? – её голос дрогнул.

– Да. Помочь несложно. Но... слышал кое-что о твоих дядях. И даже если всё сложится хорошо, проблемы Джерарда никуда не денутся.

Лицо Рейчел потемнело будто под внезапной тенью. Потому что Сергей был прав до последней запятой.

– Джерард многого добился... а признания всё нет. Ему всегда говорят "в следующий раз". Но ощущение такое, будто дразнят. Как будто морковкой машут перед носом.

Точное сравнение. Настолько точное, что внутри что-то болезненно стукнуло. Столько лет Джерард жил как ослик под плетью, бегущий за обещанной морковкой семейного наследия.

Всё началось три года назад. До этого Джуди и Джерарда даже близко не подпускали к управлению. Но потом старший дядя лишил своего сына права наследования за растраты. И в списке запасных фигур внезапно появились они.

Но "назван наследником" ещё не значит "стал частью семьи". Ему доверяли ровно настолько, чтобы он продолжал стараться. Испытания шли бесконечной чередой, а долгожданный пост всё висел впереди миражом. Обещание, данное шёпотом и забираемое на следующий же день.

Сергей снова нарушил тишину, в голосе его прозвучал разум, от которого морозок пробежал по коже.

"Если это будет продолжаться, может, стоит решить проблему у корня?"

Мысль здравая. Но ставшая почти невозможной.

Родственники со стороны Джуди были не просто сложными людьми. Они держались друг за друга мёртвой хваткой, готовы утопить кого угодно, лишь бы сохранить свой маленький мир нетронутым. Никому никогда не удавалось их сдвинуть.

Но...

Если кто и мог – то именно Сергей Платонов. Человек, который превращал невозможное в рабочий план.

– Ты... правда сможешь помочь ему? – голос Рейчел дрожал, как плёнка воды под ветром.

И ответ прозвучал уверенно, спокойно, почти твёрдо.

– Конечно. Только не так, как он ожидает. Уверен, для него есть путь получше.

– Лучший путь.

Эти слова словно тонкой иглой кольнули где-то под сердцем у Рейчел, оставив лёгкое дрожание. С момента встречи с Сергеем Платоновым всё вокруг будто сместилось, перекошилось, а потом неожиданно выровнялось. Почва под ногами перестала ускользать, размываться, и появилось чёткое направление, плотная уверенность – тёплая, тяжёлая, как ладонь, легшая на плечо.

Становилось возможным преодолеть что угодно. Каждый раз ощущалась эта сила – тихая, несущая – и всё это благодаря тому пути, что показал Сергей.

– Может... Джерарду нужно то же самое.

Мысль вспыхнула, как маленькая искра надежды. Хорошо бы, если бы перемены, случившиеся с ней, коснулись и его тоже.

– Но чтобы найти этот путь, нужны сведения. Если цель Джерарда – кресло генерального директора, нужно хотя бы понять, как принимается решение и какой порядок, – сказал Сергей холодной логикой, сразу касаясь сути.

Словно личная жизнь Джерарда его вообще не касалась. Но Рейчел знала – это только маска. Старая, знакомая, до боли понятная.

– Как тогда...

Перед глазами всплыло, как он ни капли не дрогнул перед смертью Дилана. Но потом, уже в гостиничном номере... совсем другое лицо. И чуть раньше – когда пальцы на миг коснулись его запястья... Под кожей прошла тревожная дрожь.

Сергей был самым настоящим человеком из всех, кого она знала. Грубоватые методы, жесткие слова, но сердце – мягче любого.

Поэтому Рейчел всё же решилась приоткрыть рот, тяжёлый от сомнений:

– В "Маркизе" есть такая штука... Семейный Совет.

Описание Рейчел оказалось куда интереснее, чем можно было ожидать.

Семейный Совет. Высший орган, решающий судьбу корпорации "Маркиз". Что-то вроде совета директоров, только закрытого, обвитого древними обычаями и семейными правилами.

Но решения их касались не только бизнеса. Там учитывалась честь рода, традиции, влияние в политике, кулуарные связи – всё то, о чём обычные акционеры даже не догадывались. Там решались вопросы, которые шёпотом обсуждали за закрытыми дверями, где воздух пах табаком, дорогим алкоголем и старой кожей кресел.

Право голоса делилось между прямыми и боковыми родственниками, а также попечителями семейного фонда. И вот тут – появлялась возможность.

– Значит, помимо дядьки, есть и другие обладатели голосов?

– Да. Но дяди всё равно самые влиятельные.

Ставить на них не стоило. По словам Джерарда, они сидели на своей власти, как блестящие вороны на троне, параноидальные и упивающиеся собственным могуществом. Такие не уступят добровольно.

В подобные моменты оставался один путь – небольшой переворот. Собрать остальных голосующих и протащить решение силой.

– Кто эти боковые родственники и попечители?

– Странные..., – поморщилась Рейчел. – Такое словами не объяснить. Лучше увидеть.

"Странные", значит. Осторожное слово, чтобы не сказать "совсем ненормальные". Но плевать. Главное – найти способ склонить их поддержать Джерарда.

Само убеждение не пугало – в нём хватало опыта и умения прижимать людей к нужным углам. Проблема была в другом: где взять возможность? Вызвать всех по одному – бесполезно. Каждый будет тянуть время, отказывать, играть свои игры. Так вечно можно провисеть.

– Есть момент, когда они все собираются вместе?

– Ежеквартальное заседание совета... но туда никто посторонний не попадает.

Значит, путь туда закрыт.

Рейчел замялась, понизила голос:

– Есть ещё весенняя охота на лис...

Охота на лис?

"Охота на лис" оказалась вовсе не охотой. По словам Рейчел, всё это больше напоминало игру – старую, чуть вычурную забаву, где хмельной запах традиций смешивался с ароматом влажной весенней травы.

Лис никто не трогал. Пускали по следу натасканных гончих, а участники, разделившись на команды, должны были идти за собаками, прислушиваясь к далёкому лаю, к шорохам кустов, к хрусту веток под копытами.

Слова её ложились в уши как что-то непривычное, но любопытство зудело едва уловимым тепло-холодком под рёбрами. Что-то средневековое, будто старые гобелены оживали, раздувая пыль веков.

"Такое, значит, тоже сохранили..."

Когда-то доводилось считать себя человеком, познавшим жизнь верхушки общества, но подобная забава попадалась впервые. Наверное, традиция старая, родовая, тщательно прикрытая от чужих глаз.

Впрочем, важнее было другое.

– На охоту приходят и родня из "Маркиза", и попечители фонда.

Идеальная точка сбора для всех, кого в обычный день поймать поодиночке было бы мучением. А значит – место, где нужно обязательно оказаться.

Но на пути возник маленький, но противный крючок.

– Чтобы попасть на охоту, нужно, чтобы кто-то из деревенских жителей выступил хозяином и пригласил тебя. И придётся провести ночь в его доме.

Тон Рейчел выдал, что дело не такое уж простое.

– Может, ты пригласишь? – спросилось автоматически, хотя запах проблемы уже витал в воздухе.

– Не могу. Поместье записано на маму... Даже мне нужна её личная отметка, иначе меня туда не пустят. И переночевать у неё тоже придётся.

Стало ясно, что путь всего один: приглашение от матери Рейчел, Джуди.

Не так уж сложно добыть такое приглашение. Если сын натворит дел – мать прибежит сама. Значит, задача решаемая.

Разговор с Рейчел затянулся до пяти утра. Ночь пахла остывшим кофе, запотевшими окнами и лёгкой усталостью, что липнет к коже. Когда стрелки часов подползли к новой цифре, она попыталась растолкать Джерарда, собираясь увезти его домой. Перехват жестом – мягким, но уверенным.

– Пусть останется. Отвезу тебя сам.

– Но почему Джерард...?

– У него важная презентация.

Ранее Джерард говорил тихим, сбивчивым голосом: впереди встреча с дядями, где нужно представить стратегию выхода на китайский рынок. Решение там примут такое, что либо дадут ему полномочия, либо закроют дорогу окончательно.

– Если там решают такие вещи...

Становилось понятно: семейный совет. Совещание через три дня. Один день уже утёк, остались два. Время истончилось до опасной плёнки.

Чтобы выжать из Джерарда нужный результат, его следовало держать рядом и гонять до упора, пока мозги не засветятся искрами.

Рейчел же озвучили другую, более спокойную версию:

– Помогаю ему составлять стратегию. Материала мало, если не посидим всю ночь – можем не успеть.

Правдоподобно прозвучало, Рейчел кивнула:

– Хорошо. Рассчитываю на тебя.

Разговор оказался невероятно плодотворным. Информация улеглась в голове ровно и звонко, будто выстрел стартового пистолета.

"Значит, нужно всего лишь заставить Джерарда устроить скандал?"

Именно на семейном совете, который состоится через два дня. Джерард должен был совершить поступок настолько громкий, чтобы это вынудило мать вмешаться и пригласить меня на охоту.

Разумеется, под "поступком" понималась не мелкая ошибка. Нет. Только прямой вызов власти дядей.

То, что вспыхнет ярко, громко и обязательно привлечёт нужный взгляд.

До семейного совета оставалось совсем немного, а Джерард уже однажды сорвался на крик перед своими дядями, выкрикнув что-то вроде: "Сам разберусь!" Но для задуманного замысла этого не хватало.

Хотелось от него не робкого всполоха, а настоящего взрыва. Вызывающего, громкого, такого, что оставит в воздухе запах пороха. Прямое публичное объявление войны – в тот самый миг, когда перед старейшинами рода стоит вся семья.

Чтобы хватило смелости на подобное, предстояло сначала разрушить старые пути.

Внутри Джерарда жил тонкий, липкий страх – след от многолетнего давления дядей, их искусно выстроенной газлайтинговой паутины. Человек, которого годами внушали его ничтожность, со временем перестаёт видеть собственный рост, словно стоит в комнате с кривыми зеркалами.

Из этой комнаты его следовало вытаскивать.

Запах утреннего кофе еле успел разлиться по кухне, когда по коридору прогремел резкий звук — будто кто-то опрокинул стул. В следующее мгновение, весь растрёпанный и бледный, из спальни вылетел Джерард. Глаза блуждали, дыхание сбивалось, будто он проснулся в чужом месте.

– Э... это... где... что произошло..., – губы дрожали, слова сыпались, словно стеклянные осколки.

Похмельная мутность ещё держала его, но среди разорванных воспоминаний отчётливо выделялось одно – момент вчерашнего вызова дядям. Плечи у него резко опустились, голова склонилась, пальцы сжались так, что побелели костяшки.

Тяжёлое молчание заползло в комнату, как холодный туман.

Рука легла ему на плечо – неуверенно, но твёрдо, чтобы остановить разрастающуюся панику. Под пальцами кожа казалась натянутой, словно струна, готовая лопнуть.

– Случившееся уже случилось. Теперь важно другое – куда двигаться дальше.

Слова вышли ровно, будто отмеренные на аптекарских весах.

– Но... так неправильно. Нельзя было... не имею права... не достоин...

У Джерарда голос дрожал, словно сквозь него проходил ледяной ветер. В глазах стоял страх потерять всё – привычный статус, уважение, остатки семьи.

И в этот момент он был особенно уязвим. А значит – идеален для перезапуска.

Потому что единственный способ уничтожить чужой газлайтинг – погасить его собственным, более сильным, но направленным на восстановление.

Мир взглядов – вот что формирует человека. Мир его дядей делил всех на две касты: тех, у кого есть ценность, и тех, чья ценность зависит от чужого одобрения. И Джерард по привычке стоял во второй.

Теперь следовало предложить ему другую Вселенную.

– Говорил же: в мире есть только два типа людей – ведущие и ведомые.

Голос прозвучал мягко, но настойчиво, как стук костяшек по деревянному столу.

В старой системе он был ведомым. В новой – ему отводилось место впереди.

– Столкновение с дядями – это нормально. Когда встречаются два лидера, искры летят неизбежно.

Слово "лидер" повисло в воздухе, как запах свежего озона перед грозой. Джерард моргнул, будто не веря, что это сказано о нём.

– Лидер...? Я... лидер?

Неуверенность ещё трепетала, но в глубине зрачков уже мелькнул тонкий, яркий интерес. Слабая, но живая искра.

Так и должно было быть.

Усилия последних дней начали приносить плоды.

Тонкие поддразнивания вроде "ты ведь ведомый" звучали не просто насмешками. В них пряталась попытка аккуратно встряхнуть Сергея Платонова, разжечь в нём забытое стремление вести за собой, а не плестись сзади. Слова оседали в нём медленно, как горячий пар на холодном стекле, но оседали точно.

Теперь Джерард смотрел внимательнее, словно наконец позволил себе услышать то, что давно витало в воздухе.

В комнате стояла терпкая тишина, пахло чуть прогоревшим кофе и утренней бумагой. Воздух дрожал от напряжения.

– Так и есть. Ты – лидер. Просто слишком долго маскировался под ведомого, чтобы не лезть на рожон со своими дядьками. Но природу лидера не задавить навечно. Поэтому-то всё и вырвалось наружу. Поэтому и рвануло.

Слова вышли мягкими, но твёрдыми, будто кинули на стол старую монету, и та тихо звякнула, подтверждая каждую букву.

Надо было перевернуть его бунт с ног на голову – и переворот удался. Не слабость двигала им, а прирождённое чувство направления, стержень, который пытались гнуть слишком долго.

– И удержаться от этого было невозможно. Даже если бы всё вчера не случилось, вспышка всё равно настигла бы тебя позже. Лидеры не умеют прятать собственную суть под одеждой покорности.

Когда уверенность достаточно глубоко проросла в его голове, наступил момент, когда запахи и звуки вокруг словно затихли, приглушились – время перейти к следующему шагу.

– Теперь решает только выбор. И вариантов, по сути, всего два.

Пальцы разогнулись по одному – сухой сустав щёлкнул едва слышно.

– Первый – пойдёшь, извинишься перед дядьками, признаешь всё ошибкой и снова натянешь маску ведомого. Но будешь душить себя изо дня в день, и очередной взрыв неизбежен. Потому что ты не создан быть ведомым. Второй – принять свою природу лидера и занять своё место.

Молчание повисло плотным влажным туманом.

Джерард хмурился, беспокойно шевелил плечами, будто рубашка жала под лопатками. В глазах попеременно вспыхивали страх и жадная надежда. В конце концов он поднял голову.

– Надоело быть ведомым.

Слова прозвучали тяжело, будто сорвались с каменного уступа. Это было признание. И решение.

Разумеется, иначе быть не могло. Кому захочется добровольно записывать себя в подчинённые, имея шанс стать тем, за кем идут? Тем более человеку, которого семья видит наследником.

Уголки губ тронула тихая улыбка, почти незаметная, но тёплая.

– Отлично. Раз принято решение стать лидером, значит, первый настоящий шаг сделан. Ты всегда был им, просто впервые позволил себе это признать.

Когда его уверенность окончательно окрепла, можно было переходить к сути.

– Раз решился, помогу дальше. Главное сейчас – собрать как можно больше голосов.

– Голоса?

– Рейчел рассказывала про семейный совет. Чтобы стать генеральным, нужно выиграть нечто вроде голосования.

Имя Рейчел заставило Джерарда вздрогнуть, будто по спине черкнули холодным ногтем. Неуютно ему было оттого, что чужие люди знают о семейных механизмах. Но тревогу пришлось обрезать – поздно что-то менять.

– Главное – голоса. Это политическая схватка, обычные выборы.

– Выборы...

Слово, похоже, осело в нём как холодный камень. Губы дрогнули, дыхание стало неровным – будто само представление об этом давило на грудь.

– Так что? Решил всё же быть ведомым?

– Нет... Просто выборы...

Это была не боязнь, не слабость. Это была битва миров внутри него самого.

Лидерская искра тянула вперёд, а воспитанная годами зависимость от одобрения дядек тащила назад. Они так долго внушали ему, что их благословение – единственный критерий ценности, что мысль пойти против них воспринималась почти преступлением.

Долгие годы скрытого давления оставили глубокий след.

"И это придётся выкорчевать тоже."

Порабощённое мышление нужно было перевернуть так же, как ранее перевернули понятие его бунта.

Чтобы переместить тяжесть выборов в другое русло, пришлось лишь слегка подтолкнуть нужную мысль – словно повернуть тугой рычаг, скрипнувший в тишине.

– Если выборы вызывают отвращение, всегда остаётся путь через огласку.

– Огласку?

– Да. Допустим, всплывут несколько тёмных историй компании Мосли. Тогда можно и не лезть в голосование – достаточно дождаться, пока акции рухнут в пыль, и забрать власть в момент хаоса.

В воздухе чуть дрогнул запах бумаги и холодного металла от ноутбука. На полу тонко потрескивал старый паркет.

Джерард побледнел так резко, будто комнату осветила вспышка сварки.

И было отчего: подобное предлагалось человеком, который уже разнёс в клочья и "Теранос", и "Валиант". От одного предположения, что следующим станут Мосли, морозок пробежал бы по коже даже у стального инвестора.

Конечно, наследник компании не мог желать конца своего будущего дома – не такой.

– В Мосли... никаких скандалов нет! – выдохнул он поспешно, будто отгонял призрак за спиной.

Плечами лишь качнулось лениво, как будто вопрос вообще стоял мелкий.

– Уверен?

Молчание повисло тяжёлым комком – почти слышно, как оно катилось по горлу, царапая изнутри.

– Если уверен, страх-то откуда?

Снова тишина. Запахом тревоги потянуло, будто воздух стал сырым.

Правды, разумеется, под рукой не имелось – но правды и не требовалось. Репутация хищника сама всегда работала лучше любого компромата. Попробуй только решиться проверить такой блеф – и можешь хоронить фирму.

Джерард сглотнул.

– Не... не хочу, чтобы случилось такое...

Его слабый протест был именно тем ключом, который нужен был.

– Даже если не хочешь, уже поздно отступать. Решение поддержать тебя принято.

Слова легли тяжело, как камень на столе.

– Независимо от обстоятельств, место генерального директора тебе будет обеспечено. Любой ценой.

Ведь коронующие никогда не спрашивают у наследника, хочет ли тот короны. Возводят того, кто нужен, а не того, кто просится.

– Если возможно, мирный путь предпочтительнее – выборы. Огласка, конечно, приведёт к победе быстрее, но наследовать пустошь придётся именно тебе. А здоровая компания куда лучше разрушенной. Но раз уж выборы тебе так... неприятны...

– Н-нет! Спокойно... через выборы! Пусть будут выборы! Люблю выборы! – выпалил он, размахнув руками так, что стул под ним скрипнул.

Боязнь выборов у него испарилась так быстро, будто кто-то распахнул окно.

Раз он принял новое понимание этого процесса, пора было подводить его к следующему шагу.

– Раз выборы – тогда семейный совет через два дня – ключевой момент. Покажу способ, который даёт стопроцентную победу. Главное – выучить его вовремя.

– Победную стратегию? Такое вообще бывает?

– Бывает. Есть в ней, правда, риск...

На слове "риск" он чуть напрягся, будто холод пальцем провели по позвоночнику.

– Ничего страшного. Даже если провалишься, всегда останется вариант с оглаской.

После этого у Джерарда лицо сморщилось так, словно он надкусил лимон с кожурой.

– Если опасные варианты не по вкусу, остаётся безопасный. Конечно, процедуру с оглаской будет трудно назвать красивой, но она куда быстрее и...

– Выучу! Быстро! Немедленно!

Так он и определился окончательно.

А потом выдержал тренировку – жёсткую, давящую, с десятками повторений. Пот на нём пах кислым металлом, дыхание срывало горло, голос то срывался, то сипел:

– Ты хочешь, чтобы... такое делалось? Совсем безумие!

Возмущение проскакивало, но лишь в перерывах между отработкой приёмов. Желание избежать пути огласки подстёгивало его куда сильнее жалоб.

Через два дня, когда последний раз проверялись выражение лица, голос, стойка, движения рук, даже то, как он моргает...

– А вот теперь готов.

Пришло время для первого серьёзного удара в его жизни.

Глава 4

Через два дня, в головном офисе Мосли, после изнурительной, почти звериной подготовки, кабинет наполнился мерной ходьбой: шаги Джерарда туда-сюда, будто пол под ногами раскалился. Тусклый свет лампы дрожал на лакированной поверхности стола, и в тишине слышалось только нервное поскрипывание его обуви.

До семейного совета оставалось каких-то тридцать минут.

Сердце у него билось так шумно, что гул отдавался в ушах. В горле – сухость, словно пыль цемента осела на слизистых.

"Справится ли...?"

Суть задания была понятной до боли. Нужно лишь повторить всё, чему учил Сергей Платонов.

Но одно дело – знать, и совсем иное – сделать.

Даже если актёр текст проглатывает наизусть, сцена всё равно подбрасывает свои ловушки. Голос дрогнет, рука дёрнется, выражение лица предаст.

В стекле панорамного окна мелькнуло отражение – бледный, напряжённый парень с глазами, будто припорошёнными тревогой. Резким движением Джерард ткнул пальцем в своё отражение, натягивая на лицо самую безобидную, чуть наигранную маску.

– Я?..

Выражение вышло слишком честным, слишком прямолинейным, без того тонкого раздражающего оттенка, который требовался. Он скривился.

"Пока как-то криво..."

Но отступить было нельзя. Пахнуло озоном, будто где-то хлопнула искра — так накалилось напряжение.

Сдаться означало одно: катастрофа обрушится быстрее, чем успеешь моргнуть.

"Есть же страховка... тот самый вариант с оглаской."

Мысль о Сергее Платонове, о его мрачной ухмылке, пронзила голову как ледяной гвоздь.

"Может, ошибкой было впутывать этого безумца...?"

Жалость к себе поднялась мутной волной, но отступить всё равно было поздно. Да и чего ожидать? Безумным его многие называли. Но успешным – тоже.

Подумать только: парень стал легендой Уолл-стрит в возрасте, когда Джерард ещё ходил в университет. И сделал это с нулём на старте, всего за полтора года. Да, методы у него были резкие, порой на грани сумасшествия, но работать они умели. И это нельзя было назвать простой удачей.

Кроме того, в его словах была странная сила – неприятная, но цепляющая.

– Ты – лидер. Поступай согласно своей природе.

Лидер.

Это слово отзывалось огнём где-то под рёбрами, распирало грудь, будто там копилась жара.

И тут – Тук-тук.

Звонкий, резкий стук в дверь пробил тишину. Щекой шлёпнул холодок.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошла его мать. Её шаги были быстрыми, возмущёнными; туфли глухо стучали по ковровину.

Брови Джерарда дёрнулись к переносице – злость вспыхнула мгновенно. Он приказал секретарю никого не впускать. Но для старших это были только звуки, не правила.

– Что это ты устроил, даже не объяснив нам ничего нормально!

Во время подготовки с Сергеем Платоновым всякая связь, кроме рабочих звонков, была запрещена. Так что матери он отправил лишь короткое сообщение: "Всё хорошо, не волнуйся".

Судя по лицу, она не считала происходящее хоть сколько-нибудь "хорошим". Но времени было мало, и она перешла сразу к сути.

– Мне сказали, Бенедикт недавно вернулся из Китая.

Бенедикт. Сын младшего брата его отца, некогда кандидат в наследники, бывший операдиректор. Потом его откатали в стратегический отдел, оставив только должность, но забрав власть.

И не по причине виновности. Тогда компанию потрянуло из-за массового отзыва продукции – кто-то сообщил, будто шоколад отравлен. И весь удар пришёлся на Бенедикта.

Скорее всего, подставил его старший дядя Джерард.

И вдруг – поездка в Китай. И именно в тот момент, когда условием теста наследника стал план по китайскому направлению.

– Говорят, он отдыхал, но это чушь. Он поехал к директору филиала. Это ловушка.

Младший дядя явно собирался снова протолкнуть сына в гонку за наследование.

Но мать не успела договорить – дверь распахнулась, и в кабинет вошёл дядя Руперт, тяжёлый шаг, запах дорогого одеколора, чуть горьковатый.

– Думаю, тебе уже сообщили о Бенедикте.

Подтверждающий кивок матери Джерарда заставил Руперта повернуть взгляд в сторону племянника. В воздухе будто дрогнуло напряжение – тонкое, сухое, похожее на треск натянутой струны.

– На семейном совете представишь стратегию расширения сети брендовых магазинов в Китае, – произнёс Руперт, лениво, но с холодком.

Эта стратегия – давняя идея Руперта, десятилетиями вынашиваемая, как тяжёлый камень под сердцем. Поручить Джерарду озвучить её публично значило выставить его послушной марионеткой, дергающейся под чужими пальцами.

– Ответ?

Воздух в комнате будто стал суше. Разум подсказывал покорно склонить голову, как это всегда происходило раньше – по привычке, по традиции, по негласному правилу семьи.

Однако внутри, где-то глубоко под рёбрами, вскипела суровая, хрипая неприязнь:

"Да ни за что."

Это чувство раньше казалось ребячьим упрямством, чем-то неприличным для наследника крупного рода. Но со слов Сергея Платонова становилось ясно – это не каприз, а природный отклик того, кто рождён вести за собой, а не ползти следом.

Теперь, когда эта мысль обрела отчётливый вкус – металлический, как кровь на губах, – уже невозможно было притвориться прежним покорным учеником.

– Это невозможно выполнить, – прозвучало спокойно, почти мягко.

– Значит, решил идти своим путём? Тем, о котором говорил? – Руперт сузил глаза, будто пытаясь разглядеть в племяннике что-то лишнее.

В его взгляде скользнула угроза – холодная, как лезвие, едва касающееся кожи. Но странное дело... ни дрожи, ни страха. Наоборот, лёгкость, будто кто-то разжал тугой железный обруч на груди.

Голос Сергея Платонова будто отозвался внутри, глухо, уверенно:

– Столкновения неизбежны, если хочешь стать лидером. Привыкни к ним. Научись получать удовольствие.

"Неужели... это действительно приносит удовольствие?"

Освобождение, расправляющее плечи изнутри, казалось почти опьяняющим.

– Думаешь, сидишь в этом кресле потому, что особенный? Следи за поведением, – пропел Руперт. Это звучало как предупреждение: один шаг в сторону – и тебя заменят кем-нибудь более удобным.

Но за угрозами слышалась пустота. И она резала слух.

Улыбка вышла уважительной, чуть склонённой, но внутри нее прятался тонкий стальной блеск:

– Конечно. Всегда благодарен, что был выбран среди стольких достойных кандидатов. Повисла тягучая тишина. Почти осязаемая.

Фраза звучала скромно, но укол в ней был слишком точным: у Руперта просто не существовало лучшего варианта, и оба это знали.

– Если собираешься игнорировать мои слова, можешь забыть о поддержке. Перестану учитывать мнение Десмонда. Откажешься идти за мной – больше не стану защищать, – наконец бросил Руперт.

Обычно этих слов хватило бы, чтобы заставить Джерарда шагнуть назад. Но сегодня в груди не дрожь, а тихий, спокойный огонь.

Улыбка расправилась сама собой:

– Понятно. Позабочусь, чтобы больше не доставлять тебе хлопот.

Лицо Руперта перекосило, как будто его ударили словом.

Но внезапно появившийся блеск в глазах Джерарда был не страхом – чистым восторгом.

Истина звенела внутри, как удар колокола:

"Так и есть... настоящий лидер."

В самом сердце штаб-квартиры "Маркиз", на верхнем этаже, куда доступ закрыт почти для всех, стояла тишина, напоминающая атмосферу храма. Здесь пахло дорогим деревом, старой бумагой и чем-то ещё – едва уловимым ароматом власти.

Двери, которые открывались только особым ключом, щёлкали одна за другой.

Люди стекались в сторону большого конференц-зала, шаги отдавались сухим эхом в высоких коридорах.

Это пространство давно стало символом, гораздо большим, чем просто местом встреч.

Зал наверху штаб-квартиры "Маркиз" всегда дышал особой тяжестью. Каждое эхо шага отзывалось глубоко в стенах, будто здесь хранилась сама судьба рода. За века именно в этом холодноватом помещении решались самые острые повороты истории семьи.

На стенах – ряды портретов предков; их строгие лица будто следили за каждым движением. В центре тяжёлым кругом сиял массивный стол, отполированный до зеркального блеска. И всё же главный стул оставался пустым, как рана, как немой упрёк.

Тишина внутри будто сворачивалась в плотный ком, пока её не прорезали тяжёлые шаги. Глухо, уверенно, словно человек намеренно демонстрировал своё право задерживаться.

– Извините за опоздание, – раздалось от двери.

Это пришёл Десмонд – младший дядя Джерарда, вечный любитель эффектных входов. Взгляд его скользнул по залу, будто отмечая собственную значимость.

– Пунктуальность – основа основ, разве нет? – холодно бросил Руперт.

Десмонд только пожал плечами, уселся свободно, даже расслабленно.

– Да сказал же – извинился. Ладно, начинаем. На повестке что?

Напряжение между ними зазвенело, будто старый, давно знакомый мотив – неприятный, но родной.

Секретарь пролистал папку, сухо осведомляя:

– Обсуждение стратегии по Китаю.

Разговор сразу ушёл в главное русло. И выступать предстояло Джерарду.

Шаги к трибуне отдавались гулким эхом, будто подталкивали между портретов предков. На губах у Десмонда мелькнула тонкая тень усмешки.

"Ну давай... покажи, что ты там подготовил."

Причина его выбора темы была проста и грязна, как мокрый асфальт после дождя: нужно было вытянуть собственного сына обратно в гонку наследников. И стратегия по Китаю подходила идеально.

"Вот же удобный шанс."

По сведениям от главы китайского филиала становилось ясно: страна начала дрожать. В малых городках застройщики сбивались с ног, пытаясь продать квартиры даже с огромными скидками, склады фабрик начали пустеть, экспортные заказы проседали, будто кто-то перекрыл воздух.

Экономика перегрелась и шла к сжатию. И Десмонд собирался использовать это как оружие.

Он навязал тему экзамена сам и едва ли не велел Джерарду придерживаться старой стратегии расширения. Наставлял так, словно вёл его по заранее расставленным ловушкам.

Если племянник послушается – можно будет обрушиться на него обвинением в бездумности, в том, что полез в Китай без анализа рисков. После этого – вывести вперёд сына, заранее вооружённого идеальным планом по свежим данным.

Даже если бы Джерард попытался выступить с собственной идеей – ничего страшного, всё равно можно было показать превосходство подготовленного варианта. Сравнение разрушило бы племянника.

Казалось, ничего не могло пойти не так.

Но...

– Наблюдается отчётливое замедление экономического роста Китая. Местный рынок недвижимости уже вошёл в рецессию, и по загрузке производств видно, что перегрев сменяется сокращением...

Гул удивления поднялся едва заметной волной.

Джерард говорил так, будто лично прошёлся по провинциальным стройкам, будто сам шупал холод ржавых цехов. Его слова звучали слишком точно, слишком глубоко.

– Чтобы подготовиться к кризису, необходимо изменить подход: сместить упор на онлайн-торговлю, развивать лайв-коммерцию...

Даже решения, которые он выкладывал, почти полностью совпадали с теми, что готовил сын Десмонда.

"Это что же...?"

Разрушение идеально выстроенного плана начинало стучать в виски. Но вскоре удача подмигнула.

Джерард произнёс фразу, которую Десмонд ждал как сигнал:

– Однако есть фактор куда важнее. Речь о валютной политике. Необходимо внедрить хеджирование через опционы на случай резкого падения юаня.

По губам Десмонда скользнула тёплая, самодовольная улыбка победителя.

– Хеджирование? А не то ли это самое, что ты недавно провалил?

Слова прозвучали как удар.

Ведь не так давно Джерард действительно потерял огромную сумму на фьючерсах – из-за неверного прогноза по сырью. И случилось это после того, как он последовал совету Десмонда.

Что и делало этот укол особенно ядовитым.

Обстановка в зале вдруг будто сместилась – тонкие колебания в воздухе подсказали, что начинается что-то неприятное. Обычно в такие моменты ожидалось привычное: как только Десмонд напоминал о старом провале, внутри всё сжималось, выдавливая тихое, покорное согласие. Он любил этот миг – наблюдал, как плечи племянника опускаются, как взгляд гаснет.

Но в этот раз всё пошло иначе.

– Верно говорите. Пытался предсказать динамику сырьевых цен самостоятельно – и ошибся, – прозвучало спокойно, почти ровно, без привычного горького подтекста.

Тон не дрогнул, в нём слышалось странное, тихое уверение в собственной силе.

– В этот раз последовал вашему совету и обратился к настоящим специалистам. Те, что работали раньше, действительно не дотягивали.

И вот эта мягкая улыбка... что-то в ней тревожило, словно под гладью сверкнула стальная нить. Слова хвалили дядю, а интонация – будто насмешливо гладили против шерсти.

– Поэтому и привлёк лучших. Валютную стратегию подсказал Сергей Платонов.

– Сергей Платонов?

– Из Pareto Innovation? – прокатился гул удивления.

Стоило прозвучать этому имени, как в воздухе что-то хрустнуло, будто напряжение потянулось по тонким трещинам. Репутацию Платонова знали все. Настолько яркую фигуру страна ещё не знала – даже Уолл-стрит смотрела в его сторону.

В зале пахло тревогой.

– Согласно алгоритмам Сергея Платонова, вероятность события уровня "Чёрного лебедя" в ближайшие месяцы очень высока.

Несколько человек вслух ахнули.

– "Чёрный лебедь"? Да ну быть не может...

Шепот разлился волной.

Каждому было ясно, какой тяжестью давит этот термин. Слишком много катастроф в истории начиналось именно с него.

Пауза повисла, как натянутая струна.

– Китайский фондовый рынок рухнет.

Эти слова врезались в пространство, словно кто-то обрушил камень на стекло. Казалось, воздух даже дрогнул.

– Индекс Shanghai Composite способен просесть на сорок процентов в течение полугодя. Это вызовет цепную реакцию: рынки сырья, валюты, мировые биржи... всё завертится в воронке.

Под потолком будто прокатился тяжёлый гул, едва слышимый, но ощущаемый кожей.

– Потребление может замёрзнуть, расходы упасть. Доходы компании – минус двадцать процентов. Снижение маржи – ещё минус десять из-за падения юаня.

С каждым новым словом становилось прохладнее, будто сквозняк пробрался под кожу.

– И это только начало. Удар по Китаю разойдётся волнами по соседним развивающимся рынкам. Отток капитала, падение валют, нестабильность...

Не хотелось верить. Китай был двигателем мира так долго, что сама мысль о его падении казалась противоестественной.

Но голос звучал всё увереннее, крепче.

– Эта буря коснётся всех. Чтобы пройти через неё, нужен лидер с полной властью. Сергей Платонов уже выразил мне полную поддержку.

Чёрный лебедь приближается.

А тот, кто увидел его первым, стоит за спиной Джерарда.

И вслед за этим прозвучало заявление, которое раскололо тишину.

– Убеждён, что способен провести семью через этот кризис. Прошу передать мне полномочия генерального директора сроком на один год.

Дайте власть. Только так можно вытащить компанию из петли.

– Ты в своём уме? – Десмонд издевательски рассмеялся, сухо и пусто, словно треснула корка льда.

Обычно после таких слов в зале раздавались смешки, строгие окрики, кто-то обязательно обрывал эту "наглость" на корню. Но сейчас стояла странная, тягучая тишина.

Имя Платонова слишком тяжёлое, чтобы отмахнуться.

Слишком много его прогнозов сбывалось до пугающей точности.

"Что же это...?"

Течение в зале явно менялось, и Десмонд понял это первым. Надо было срочно гасить волну.

– Ты? Директор? Чушь несёшь. Сколько раз говорил – анализ делай нормально, а ты опять лезешь в ерунду!

Раньше такие слова заставляли отступить, съёжиться, спрятать глаза.

Но теперь в ответ последовало другое.

– Меня? – прозвучало удивлённо, будто вопрос был задан самому себе. Лёгкий жест в сторону груди – невинный, почти детский.

Улыбка осталась мягкой, но в ней проскользнул холодок, как у человека, который смотрит на беспомощное животное, угодившее в ловушку.

– Ведь именно по вашему совету был найден лучший эксперт. Сергей Платонов известен алгоритмами прогнозирования "Чёрных лебедей". Он заранее предсказал рост акций Genesis Pharma, эпидемиологический всплеск Эболы, заработав доверие суверенных фондов и институциональных инвесторов. Все выводы – на основе его аналитики.

– Да когда это тебе говорили полагаться на один источник?!

Но раздражение Десмонда уже ничего не решало.

Взгляд Джерарда поднялся прямо на него – спокойный, ясный, и от этого ещё более опасный.

И следом прозвучал вопрос, пропитанный ускользающей вежливостью, за которой угадывался нажим:

– Значит, дядя, вы выступаете против моего предложения?

Глухое, почти звериное чувство внутреннего приказа звучало одно: "Ни в коем случае нельзя проиграть."

Пальцы сами сжались так сильно, что костяшки запищали тонким давлением, будто жаловались на напряжение. В груди стучало что-то горячее, плотное, напоминающее удар молота по броне.

Голос Сергея Платонова всплыл в памяти с такой ясностью, будто стоял рядом, и от его спокойного тембра по позвоночнику прокатился прохладный ток.

– Самая большая беда здесь – система, которую выстроили твои дяди, – говорил он когда-то.

– Берут награду, когда всё идёт хорошо, и спихивают ответственность, когда дела проваливаются.

В тех словах тогда не услышалось ничего нового – ситуация была понятна давно. Не в незнании дело было... а в невозможности сдвинуть этот прогнивший механизм. Шестерёнки, смазанные выгодой, крутить было невозможно.

Но Сергей Платонов предложил путь.

"Ставка."

Когда прозвучало это слово, мир будто качнулся – воздух в груди на миг застыл, как при резком торможении. Но Сергей продолжил так уверенно, будто говорил о вещи самой естественной на свете:

– Нет ничего справедливее ставки. Есть чёткий исход и есть заранее обозначенная награда.

С самими дядями... спорить на такую вещь? Смешно. Невероятно. Почти безумно. Система, в которой они сидели, приносила им одни сплошные плюсы. Какие такие ставки? Зачем им рисковать?

Но Платонов произнёс ещё одну фразу – ту, что перевернула всё:

– Вспомни, зачем пошёл на спор со мной. Тебя же никто не заставлял. Вспомни настоящую причину.

И тут внутри стукнуло понимание. Тогда, в тот момент... всё произошло лишь потому, что Сергей вёл себя нестерпимо самоуверенно. Даже под прицелом пистолета говорил так, будто контролировал всё вокруг. Изворотливый язык, спокойный взгляд – и желание заткнуть его вырывало изнутри как кипяток.

Как только память дотянулась до самого корня того импульса, стало ясно, чего хотел добиться Сергей.

И от этой ясности захотелось немедленно возразить, отпрянуть, отказаться – невозможно же так вести себя перед собственными дядями! Но Платонов лишь улыбнулся тогда мягко, почти понимающе:

– Если страшно, никто не заставляет. Можно ведь и разоблачение устроить...

Эти слова обожгли хуже пощёчины. Пришлось поспешно спутаться:

– Н–нет! Не то имел ввиду!

И пришлось идти его дорогой.

Так появилась наглая, бесстыдная манера разговора, скопированная с Платонова до последнего оттенка. Так появилась идея использовать обвал китайского фондового рынка – "Чёрного лебедя" – чтобы попросить кресло генерального. Кто бы мог подумать, что всё работает настолько легко.

Теперь даже странно вспоминать, как много было сомнений вначале. Стоило лишь попробовать — и тревога испарилась, словно выветрилась сквозь открытое окно. Напротив... внутри начало подниматься горячее, необъяснимо приятное чувство.

"Неужели... нравится происходящее?"

Если так – значит, действительно есть то, что Сергей называл природным лидерством.

И вот оно, подтверждение: разъярённый крик дяди.

– Ты действительно считаешь, что мы одобрим такую абсурдную просьбу?! Такие основания смешны!

Голос отразился в барабанных перепонках хрустким, злым треском – точно кто-то рвал толстую ткань.

В другой день ноги бы наверняка ослабли, сердце бы ударило в горло. Но не сегодня. Сегодня в уголках губ расцвела едва заметная, строгая и очень спокойная улыбка.

"Начал клевать."

Младший дядя повёлся. А ведь вся сила ставки в простом принципе: оставить человеку всего два пути – согласиться или отказаться. И заставить выбрать один из них, потому что уйти от выбора невозможно.

Чтобы ставка состоялась, нужно было загнать человека между двумя стенами, оставить перед ним лишь узкий проход: либо вправо, либо влево. Никаких иных выходов. И сейчас младший дядя сам шагнул в эту ловушку – так же естественно, как рыба следует за блесной, притягивающей блеском холодного металла.

Условие ставки сложилось.

Пришлось поднять взгляд, чувствуя, как напряжение тянет кожу на скулах, и мягко, почти вкрадчиво повторить вопрос, словно надавливая пальцем на только что раскрытую рану:

– Так, дядя, выходит, вы против моего предложения?

Ответ сорвался резким окриком, ударив по барабанным перепонкам, будто кто-то хлопнул дверью железного шкафа:

– Ты хватаешься за крайности, вот почему все называют тебя бездумным!

– Именно поэтому и нужны ваши советы, дядя. Как вы считаете... событие Чёрного лебедя произойдёт или нет?

Тишина.

Густая, тягучая, как смола, она на секунду повисла между ними, пахнувшая чем-то неприятно прогорклым – смесью сомнения и страха. Младший дядя не ожидал прямого вопроса. Потому что прямой вопрос оставлял две двери. Только две. И обе были опасны.

"Что он выберет?"

Если признать, что Чёрный лебедь придёт – придётся отдавать кресло генерального. Такого не случится ни за что.

Но если сказать, что не придёт... Значит, открыто объявить прогноз Сергея Платонова ошибочным. А предсказания Платонова уже не раз били в цель так точно, что казались почти мистикой.

Оставался лишь третий путь – отступить.

– Слишком важное дело, чтобы принимать решение поспешно. Нужно собрать мнения отраслевых экспертов, подумать...

Оттяжка.

Запах старого, затхлого ковра, оставшегося в комнате раз двадцать лет назад, будто бы стал сильнее – словно сама комната чувствовала попытку уклониться. Но Платонов заранее говорил, как обходить такие манёвры.

– Ставка должна лишить человека всех лазеек. Оставить только "да" и "нет". Буквально вынудить.

Пришлось шагнуть ближе, сократить расстояние, сделать голос чуть тише, чуть тяжелее, будто слова несли с собой собственный вес:

– Если бы времени было больше, тоже стал бы советоваться. Но по словам Сергея Платонова, даже двигаться сейчас – уже поздно. Откладывать нельзя.

Надо было сжать время, смятая возможность раздумий, сделать так, чтобы сегодня казалось единственным днём. Но дядя усмехнулся, холодно, будто металлический нож прошёлся по стеклу:

– Неделя ничего не изменит.

– Это точно?

Пришлось произнести это почти шёпотом, но так, чтобы каждый звук ударил как камешек по воде – с кругами, расходящимися далеко.

И, удерживая взгляд дяди, как удерживают зверя на мушке, добавить:

– Если из-за этой недели мы упустим момент и не успеем предотвратить ущерб... вы возьмёте ответственность, дядя?

Слово "ответственность" прозвучало особенно тяжело – словно в воздухе щёлкнул металлический замок. Теперь отсрочка означала, что удар потом ляжет прямо на дядю Десмонда.

Его лицо дёрнулось.

– А ты хочешь перевернуть всё – от валютных прогнозов до распределения – полагаясь на слова одного человека? Если он ошибся? Если мы потерпим огромные убытки? Ты возьмёшь на себя ответственность?

Попытался вернуть привычную игру, перекинуть груз обратно, как всегда. Но в этот раз именно этого и хотелось добиться.

– Да. Возьму.

Воздух вокруг будто стал плотнее, как перед грозой. Уголки губ сами приподнялись – лёгкая, уверенная, тягучая улыбка.

– Если предоставят полномочия CEO и мои решения окажутся неверными, если это приведёт к убыткам – компенсирую лично. Всем, что есть в доверительном фонде. И уйду из семейного бизнеса... раз и навсегда.

Тишина. Такая густая, что запах лакированного дерева стола вдруг стал почти осязаемым.

Это был шаг ва-банк. Всё поставлено на кон: наследство, будущее, место в семье.

Когда Сергей Платонов делал так – казалось безумием. Наблюдать со стороны было страшно. Но сейчас, проделав такое самому...

...внутри вспыхнуло что-то не просто тёплое – почти опьяняющее.

"Вот оно..."

Дофаминовый всплеск ударил так, будто кто-то распахнул окно, и в комнату ворвался леденящий ветер. Хотелось вдохнуть глубже — настолько приятно это было.

Дядя замолчал. Пришлось ему удар в щиты – и он отступил. Тот, кто раньше казался скалой, вдруг стал мягким, маленьким, пустым.

И на этом сюрпризы не закончились.

Незаметно для всех на комнату опустилась тягучая, почти вязкая тишина. Аромат дорогого дерева от панелей на стенах будто стал сильнее, плотнее, словно сама комната затаила дыхание, ожидая развязки. Все взгляды – чётко чувствуемая тяжесть на коже, как прожекторы, – устали на дядю.

Давление окутало его со всех сторон, стянуло воздух в грудной клетке, как будто пространство само подталкивало:

"Решай сейчас."

Но дядя снова пошёл на отступление. Слова его прозвучали сухо, надрывно, будто треснула старая нить:

– Понимаю твою позицию. Постараюсь принять решение... к следующей неделе.

Отяжка. Ещё одна. Запах разочарования, как будто в воздухе разлили холодный чай, ударил в нос.

"Если повернуло сюда...?"

Пришлось пойти на крайний шаг – единственный оставшийся.

– Раз к следующей неделе... значит, выхода нет. С сегодняшнего дня заявляю об уходе.

Слова вылетели резко, будто в воздух бросили холодный металл. Повернул голову к младшему дяде и добавил медленнее, отчётливее:

– И заранее предупрежу прессу. Скажу, что предупреждал о падении китайского рынка, но меня не послушали – потому что слишком молод.

Дядю словно ударили. Он напрягся, губы побелели:

– Если сделаешь это, потеряешь право на траст!

В семье Маркизов тайны хранили жестко. В правилах прямо было прописано: откроешь рот прессе – потеряешь наследство. Но сейчас...

– Не имеет значения. Уже сказано: поставлено всё.

Вот что страшно в ставке ва-банк: исчезает понятие потерь. Нечего беречь.

– Ты выставишь себя шутком! СМИ запишут в инфантильные нытики..., – дядя уже не говорил, а сипел.

– Не это тебя должно тревожить, дядя. А если Чёрный лебедь всё-таки случится? Как и предупреждал?

Запах паники едва уловимо проскользнул по комнате – будто кто-то пролил спирт и пытается скрыть запах. Компания Маркизов в таком случае выглядела бы идиотами, проигнорировавшими информацию.

А это – семейный совет. Не собрание директоров, где считают деньги. Тут берегли честь, славу, лицо рода.

И ударить по репутации было самым чувствительным местом.

– Не послушали только потому, что молод? Если это выйдет наружу... скажут, что семья катится вниз.

– Ты... Ты собираешься опозорить род?! Готов ради мелких амбиций затоптать семью?!

– дядя сорвался на визг.

Но в этот раз страх не шелохнулся внутри. Он выглядел загнанным, побледневшим, словно зверёк, загнанный в угол и пытающийся казаться хищником.

Пришла неожиданная мысль:

"А крикнуть в ответ... стоит попробовать?"

Голос до этого никогда не поднимался. Но сейчас руки сами легли на край трибуны, пальцы вцепились, чувствуя холодный лак, и громыкнуло:

– Сколько можно повторять?! Человек с лучшим алгоритмом в отрасли предупредил о Чёрном лебеде! Сказал действовать немедленно! А вы тянете время!

Ощущение вырвавшегося изнутри грома – напряглись плечи, кровь горячей волной ударила к вискам. Почти свобода. Нечто новое, ошеломляюще живое.

Ладонь снова опустилась на трибуну, звук разнёсся по комнате, как удар по барабану:

– Это вопрос выживания! Выживания, дядя! Думаете, тут игра? Всё делается, чтобы защитить Маркиз!

– Требуешь срочного действия... и полностью уверен?... – голос дяди треснул.

– Уверен! Ставлено всё до последнего! А ты, дядя? Уверен, что задержка безопасна? Тогда докажи это! Делом, а не словами!

Ещё два удара по дереву – сухие, резкие, словно щелчки кнута.

Дядя осекся. Чтобы остановить такой натиск, ему тоже пришлось бы поставить на кон всё – место, наследство, имя.

Но он не смог.

Волна пошла в другую сторону. Вся тяжесть в комнате, всё напряжение словно перекачилось от дяди к тому месту, где стоял Джерард.

Пришлось оглядеть присутствующих.

– Ну... что скажете остальные?

В воздухе прошёл едва заметный дрожащий шорох – будто кто-то невольно передвинул стул. Все, кто молча наблюдал за перепалкой, вздрогнули.

На лицах появились выражения, которых никогда прежде не видели.

Старший дядя, который тихо надеялся на провал Джерарда, теперь сидел ошеломлённо, не понимая, как всё вышло из-под его контроля.

А тётя Джуди... смотрела так, будто впервые увидела собственного сына.

Тяжёлым холодком опустилась на зал тишина, будто кто-то приглушил даже дыхание в комнате. Взрослые, ещё недавно казавшиеся огромными, почти непоколебимыми фигурами, остолбенели, словно потеряли высоту. В воздухе висел запах старого дерева, тёплой проводки от ламп и чего-то ещё – едва уловимого, тревожного, как перед грозой.

Взгляд метнулся к секретарю, тонкому, беспокойному, который переминался у стены, будто пол под ним стал горячим.

– Сколько времени прошло с момента внесения инициативы? Почему до сих пор не начато голосование? – вопрос сорвался быстрее, чем успел остыть гул в голове.

Секретарь лихорадочно оглядел дядек, словно надеясь на спасение, но те сидели подавленными, словно лишённые опоры.

– Т-тогда приступим к голосованию... Все, кто поддерживает назначение Джерарда исполняющим обязанности генерального директора на один год, поднимите руки.

Послышался еле слышный шорох – ткани, движущийся воздух, дрожь пальцев. Голосование началось.

И итог оказался таким, какой витал в воздухе с самого начала.

– Решение принято. Джерард назначается исполняющим обязанности генерального директора сроком на один год...

В груди разлилось тяжёлое, тёплое облегчение. Победа.

В голове Джерарда звучал восторженный, едва сдерживаемый голос – будто в трубке шипел перегретый воздух. Удалось. Хотя на год, но удалось взобраться на вершину.

Тренировка не прошла зря.

Конечно, было бы идеально заставить дядек поставить на кон что-нибудь ещё, вытянуть из них дополнительные уступки. Но... слишком сложно, слишком рано.

Только-только начал вырываться из-под их гнёта, только-только появился воздух. Главное сейчас – следить, как по семейному совету прокатится первая волна.

Внутри уже дрожала тихая, уверенная догадка: пора ждать следующего звонка.

Тихий, послушный сын вдруг идёт ва-банк при старших? Джуди не могла остаться в стороне. Она, участвовавшая в первой всё-или-ничего ставке вместе с Джерардом, услышит об этом неизбежно.

Чужой голос в голове едва усмехнулся: "Сын вдруг говорит о Чёрном Лебеде и Касатке, да ещё использует те же приёмы? Разве мать не насторожится?"

И, как и ожидалось – тревожная вибрация телефона, будто комар пронёсся у самого уха. Номер незнакомый, но голос – знакомый, мягкий и жёсткий одновременно.

– Вы можете не помнить меня. Это Джуди, мать Джерарда.

Ответ сорвался сразу, уверенно:

– Разумеется, помню. Более того – ждал вашего звонка.

В трубке повисла недолгая пауза.

– Ждали... меня?

Смысла прятать участие не было – наоборот, выгоднее дать ей понять, откуда вырос порыв сына.

– Есть разговор, но по телефону такое не обсуждается. Было бы хорошо, если бы нашли время в ближайшие дни.

– С удовольствием. Кстати, слышал, что на следующей неделе у вас охота на лис. Люблю верховую езду. Буду благодарен за приглашение.

Пауза стала почти осязаемой – как будто собеседница сжала губы, обдумывая ответ.

– Это маленький семейный сбор. Вам там будет... скучно. Да и поговорить вряд ли получится.

– Жаль. После следующей недели весь месяц расписан. Могу только в мае.

Тишина на том конце была уже ответом.

Это означало: либо встреча там, на охоте, либо – никакой.

– Если готовы выдержать скуку, приглашение пришлю.

Получено.

После звонка в комнате стало чуть теплее, будто воздух согласился с планом. Зазвучал тихий мотив, почти напев.

Базовые приготовления завершились.

Подозрения Джуди неизбежны... но именно они заставят её искать встречи. Если бы разговор инициировал кто-то посторонний, семья бы отрезала путь словами "дело семейное".

Но теперь – совсем другое. Теперь на охоте появится человек, который изменил поведение Джерарда. Человек, который может знать то, что не знают они.

И тогда не только Джуди – дядьки, совет, все захотят приблизиться, задать вопросы, понять, что происходит.

Получится любопытная сцена.

Оставалось только подготовиться.

Неделя пролетела, как рывок стрелки.

Наступил день охоты на лис.

Глава 5

Полёт из Нью-Йорка в Вашингтон прошёл будто в полусне: двигатели гудели ровно, однообразно, и от этого гула в голове оставался мягкий след, как от согревшегося стекла. После посадки лимузин мягко скользнул прочь от аэропорта, и в окна хлынули виды Виргинии – холмы, тянущиеся до горизонта, нежные, словно вымытые утренним туманом. В салоне пахло дорогой кожей, кондиционер шумел едва слышно, как сонная река под льдом.

Тишину разорвал звонок – короткий вибрирующий трелью, будто кто-то щёлкнул холодными пальцами прямо у виска. На дисплее – Пирс.

– Опять перенос? Что вообще происходит? – его голос дрожал, как струна, перетянутая сильнее, чем следует.

Ужин на завтра был давно согласован, но после истории с Джерардом график покати́лся в сторону, как плохо закреплённый чемодан в багажнике.

– Серьёзное что-то происходит? – тревога в голосе была почти зримой, будто её можно было потрогать пальцами.

Сначала трудно было понять, почему Пирс так напрягся, но вскоре причина стала ясна.

Наверное, сработало что-то вроде военного испуга. Каждый раз, как звучало "что-то происходит", следом обычно накатывало событие масштабом на всю страну. И теперь Пирс не мог знать, какую новую бурю готовит судьба.

Но объяснять... чем? Тем, что улаживание застарелой грязи, оставшейся после золотых выкрутасов Мосли за границей, – дело слишком серьёзное, чтобы назвать его мелочью?

– Дай хоть общее понимание, чтобы подготовиться...

– Бесплезно готовиться – слова сорвались, острые, слишком честные.

Ох, вот так промах. Вместо успокоить – наоборот, подлил масла. В последние дни всё держится на пределе внимания, мысли скачут, как ветер перед ливнем.

Столько всего: назначение Джерарда открыло дорогу к договору по ветеринарным базам данных, наконец-то удалось заполучить бесценный набор для обучения ИИ. Пришлось мчаться в Калифорнию, договариваться со стартапами, совмещать всё это с подготовкой к охоте. Времени не хватало даже на нормальное дыхание.

Пирс, похоже, побледнел на другом конце линии – ощущение такое, будто звук стал тоньше, почти прозрачнее.

– Сильно волноваться не стоит. Пока ситуация контролируемая.

– Что значит пока...?

– Всё объясню, когда вернусь. В ближайшие дни прошу не звонить – работы слишком много.

Щёлк – и звонок обрубился.

Взгляд сам собой упал в окно – городские коробки давно исчезли, и вместо них тянулись холмы, будто зелёные волны. Простор становился всё шире, воздух мягчал. Значит, цель была уже рядом.

Внутри медленно разворачивалась карта предстоящих задач.

Первым делом предстояло поговорить с Джуди. Охота на лис – завтра. Но ночевать предстояло в её особняке уже сегодня, и там нужно было сделать главное.

Пора расставить всё по местам.

Джуди – женщина, пытавшаяся возвести сына на трон по своему собственному плану. В сущности, такая же короледелательница, только со своим уклоном, своей логикой, своими амбициями. Но на одном корабле два капитана – путь к гибели.

Оставалось убедить её уступить роль – и позволить вести игру единственному режиссёру.

Разумеется, если бы стратегии совпадали, можно было бы действовать вместе. Но её путь шёл крест-накрест с собственным.

По словам Джерарда, она намеревалась примкнуть к линии старшего дяди, чтобы укрепить за сыном право наследника. А план был совершенно иной – держаться в стороне от обоих дядек и построить собственную силу, собственный круг, независимый и устойчивый.

И ради этого предстояло сделать шаг вперёд.

Столкновение назревало неизбежно. Это ощущалось в груди тягучим давлением, словно перед грозой, когда воздух висит тяжёлой пеленой и будто ждёт первого раската. Джуди уступать без боя? Такого просто не могло случиться.

Но план был продуман до мелочей, выверен десятки раз. Каждая деталь отполирована настолько, что казалось – достаточно протянуть руку, и всё сложится именно так, как нужно. Только вот странное беспокойство всё равно поднималось в глубине сознания, как холодная струйка под воротник. Где-то пряталась тонкость, неучтённая мелочь, невидимый шип под ладонью.

Что ускользнуло? Как будто тень прошла по памяти – и тут же растворилась.

Ответ стал очевиден, едва машина остановилась у ворот особняка Джуди. Сразу после выхода в лицо ударил запах ухоженного сада: свежая трава, влажная земля, сладковатая нота цветущего жасмина. На крыльце уже ждали люди, и среди них неожиданно выделялась фигура, которую никак не ожидалось увидеть.

– Наслышан, что Джерард натворил дел из-за тебя – голос прозвучал сухо, с лёгкой металлической нотой.

Перед взглядом стоял не Джерард, не Рейчел и не сама Джуди. Шёл навстречу человек, чьего появления в расчётах не было вовсе.

Адвокат Рэймонд. Отец Джерарда.

Вот оно что...

Когда случилась история с Genesis, Джерард тогда позвал именно отца, не мать. Значит, Рэймонд тоже много значил, был своеобразным советником. Ещё один короледелатель.

Получалось, что вместо одной фигуры теперь нужно было обходить уже две. Но самое неприятное – расчёты этого не предусматривали.

Однако, всё быстро начало складываться в цельную картину.

Достаточно было услышать, как Джуди, выдохнув тяжело и раздражённо, бросила Рейчел:

– Рейчел, покажи Шону дом, прогуляйтесь. А этого гостя можешь не учитывать – он всё равно скоро уедет.

Она отчаянно пыталась убрать Рэймонда с дороги.

Раз Джуди так старалась исключить его из разговора, значит между двумя короледелателями давно прошла трещина, и трещина эта глубокая.

Но Рэймонд уходить не собирался.

– Если речь о Джерарде, имею право знать.

– Без приглашения тащиться сюда... что это вообще такое?

– Пока бумаги о разводе не подписаны, половина дома принадлежит мне. Так ведь?

Да, слухи о подготовке к разводу ходили давно, но реальность, похоже, оказалась куда хуже ожиданий.

Ситуация вспыхнула мгновенно, как сухая трава от спички.

– Мама, папа, ну не сейчас...

– Шон, выйдем на минуточку...

– Шон никуда с тобой не пойдёт.

– Но...

– Я сказала – уходи.

Сплетающиеся голоса ударили друг о друга, будто металлические прутья в клетке. Джерард метался, пытаясь хоть как-то унять родителей. Рейчел тщетно пыталась увести разговор в сторону.

Безумие – иначе не назвать. Семейная буря закружила всех, и пришлось стоять прямо в центре вихря, словно случайно занесённый туда свидетель чужой драмы.

И смешнее всего – именно здесь, в самом хаосе, становилось ясно: кто ещё, кроме пришедшего гостя, способен вернуть порядок?

По взгляду Рейчел становилось понятно: подобное уже случалось и раньше.

Невольно прокатилась тень разочарования. Ну кто соглашается играть арбитра в чужих разборках?

Но после короткого вдоха пришлось вмешаться. Голос прозвучал ровно, твёрдо, чуть холоднее обычного:

– Хватит. Дайте говорить всем, включая Рэймонда. Лучше решить всё сразу, чем повторять те же разговоры по кругу. Времени мало.

Мгновенная тишина легла в гостиную.

Джерард с Рейчел смотрели так, будто только что был нарушен какой-то священный семейный ритуал. Джуди и Рэймонд застали моментом обескураженной паузы – выражение лиц вполне ясно говорило: "С какого ты вообще имеешь право так говорить?"

Пришлось добавить:

– Если нет – уйду.

Вот эта фраза наконец вернула обоих родителей в реальность, словно резкий удар холодной водой.

В воздухе висело напряжение, густое, хоть ножом режь; их желание устроить допрос с пристрастием касательно недавних событий с Джерардом перевесило всё остальное. Если сейчас уйти, вся встреча потеряет смысл. Предложение было принято, пусть и без особого энтузиазма.

– Хорошо. Шон, пожалуйста, сюда.

Однако Джуди, обернувшись, метнула властный, холодный взгляд на Джерарда и Рейчел. Прозвучал приказ, больше похожий на изгнание:

– Рейчел, Джерард. Ступайте в столовую, помогите с ужином.

На их лицах отразилось замешательство, послышалось невнятное бормотание:

– А? Но....

Пока они стояли, растерянные и смущенные, Джуди стрельнула глазами в мою сторону:

– Нужна ли поддержка детей для этого разговора?. Настаивать на их присутствии означало лишь всё усложнить.

На моем лице появилась спокойная, дежурная улыбка:

– Нет, справлюсь и в одиночку.

Затем последовал медленный поворот головы и едва заметный кивок, адресованный Рейчел и Джерарду. Безмолвный сигнал: доверьтесь, предоставьте это мне. Они поколебались мгновение, переминаясь с ноги на ногу, но вскоре кивнули в ответ и попятились к выходу. Внутри вырвался очередной тяжелый вздох. "Боже, что за фарс..."

Вслед за прямыми, напряженными спинами Джуди и Рэймонда пришлось проследовать в гостиную, где пахло старым деревом и пчелиным воском. Стоило опуститься в кресло, как на меня уставились две пары суровых, немигающих глаз. "Ощущение, будто вернули в школьные годы..." Слово нашкодившего мальчишку притащили к директору для выволочки. И, честно говоря, сравнение было недалеким от истины. Эти двое явно подозревали, что я оказываю дурное влияние на Джерарда. И предстояло убедить их доверить будущее сына моим рукам.

Джуди заговорила первой, ее голос звучал сухо и настороженно:

– Любопытно, с чего вдруг такое рвение отдать Джерарду пост генерального директора. Не похоже, что дело только в заботе о счастье моего сына....

В её тоне сквозило неприкрытое недоверие. Едва удалось набрать воздуха для ответа, как в разговор бесцеремонно вклинился другой голос, перебивая на полуслове:

– Звучит так, будто подошел к нему с каким-то тайным умыслом. Мы знакомы давно, и в наших кругах помогать друг другу, учитывая наше положение, – дело обычное.

Джуди тут же парировала, повышая голос:

– Поведение сына изменилось внезапно – не кажется ли тебе, что такая расслабленная реакция не подобает ответственному родителю?.

Рэймонд не остался в долгу:

– А не разумнее ли видеть в этом позитивные перемены, а не дурные предзнаменования? Бросаться сразу в подозрения – вот что странно.

Их беседа стремительно превращалась в напряженное противостояние. Глядя на эту перепалку, внезапно пришло четкое понимание, почему Джерард так легко стал жертвой газлайтинга со стороны своих дядюшек. "Проблема в родителях." Оба с пеной у рта настаивали, что действуют в интересах Джерарда. Но со стороны это выглядело лишь как ослиное упрямство, желание доказать правильность собственных методов воспитания. В обычной ситуации просто позволил бы им разобраться между собой и ушел... Но сейчас такой роскоши позволить было нельзя. Нужна была власть этой семьи.

подавив поднимающееся внутри разочарование, пришлось вмешаться и взять управление разговором в свои руки.

– С этого момента прошу отвечать по очереди. Если перебьете меня трижды, восприму это как нежелание вести диалог и немедленно уйду. Это был первый раз.

Поднятая рука с загнутым большим пальцем послужила наглядным предупреждением. Три загнутых пальца – и разговор окончен. Только тогда эти двое, казалось, наконец заметили меня и на мгновение замолчали.

В наступившей тишине взгляд переместился на Джуди, и последовал ответ на ее прежний вопрос.

– Разумеется, помогаю Джерарду не из чистого альтруизма.

Для богатых людей доверие – это всё. Ложь здесь не проходит.

– Сейчас работаю над проектами в сфере здравоохранения и искусственного интеллекта. Мне нужна лоббистская поддержка, и политическая инфраструктура семьи маркиза показала огромный подспорьем. Поэтому и было предложено взаимовыгодное партнерство Джерарду.

Джуди прищурилась:

– Значит, в итоге ты использовал нашу семью. И планируешь продолжать в том же духе.

Легкое пожатие плечами в ответ:

– Что ж, отчасти это не так уж неверно. Но цель – отношения по принципу "выиграл-выиграл", где обе стороны используют друг друга к взаимной выгоде. Я задействую лоббистские возможности Джерарда, а он использует мой алгоритм.

Взгляд Джуди стал острым, как бритва:

– Лоббистская мощь нашей семьи – не тот ресурс, который легко получить.

Но в ответ – лишь спокойное пожатие плечами.

– Как и мой алгоритм. Откровенно говоря, ресурсы Джерарда заменимы. Мои – нет. По сути, Джерард выигрывает от этой сделки больше.

Видя, что Джуди растеряла все слова и замерла, словно выброшенная на берег рыба, перевёл тяжёлый, выжидающий взгляд на Рэймонда.

Теперь настал его черёд выступать.

– Если передо мной тот самый человек, о котором столько говорят, значит, в голове у тебя наверняка зреет какая-то безрассудная, дикая схема. Джерарда в подобное втягивать нельзя. Если он запутается в публичном скандале, это уничтожит его права на наследство, оставив лишь пепел.

Хмыкнул, ощущая, как в груди вибрирует сдержанный смешок, и медленно, уверенно кивнул.

– О, на этот счёт беспокоиться не стоит. Устраивать из-за Джерарда переполох национального масштаба в планы совершенно не входит.

– И как этому прикажешь верить?

Снова пожал плечами, чувствуя, как ткань пиджака натягивается на спине.

– Даже если грязь и понадобится, куда быстрее и эффективнее сделать всё своими руками, чем заставлять мараться Джерарда.

Рэймонд тоже умолк, погрузившись в раздумья. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением кондиционера.

Воспользовавшись паузой, Джуди, наконец, собралась с мыслями. Её голос зазвучал снова, но теперь в нём слышались нотки материнской тревоги, смешанной с расчётом.

– Ты советуешь Джерарду оттолкнуть руку, протянутую старшим дядей. Но если сын просто проявит себя за следующие десять лет, докажет свою состоятельность, его примут стабильно и безоговорочно. Зачем моему мальчику так рисковать и сходить с безопасной, протоптанной тропы?

Но тут Рэймонд, не выдержав, снова вклинился в разговор, перебивая супругу.

– А ты правда веришь, что Руперт сдержит своё обещание?

– Если бы не сдержал, вы бы сейчас здесь не сидели. Просто хочу убедиться, что Джерарда не используют как расходный материал, чтобы потом выбросить на свалку истории.

– А я хочу помочь Джерарду вырваться из этой токсичной семейки. Похоже, в этом наши цели совпадают.

Разговор вновь скатился в хаос перебивающих друг друга голосов. Шум давил на виски.

Тяжело вздохнул, выпуская воздух сквозь сжатые зубы, и снова поднял руку, призывая к порядку.

– Это второе предупреждение.

Медленно, демонстративно загнул указательный палец, прижимая его к большому. Кожа коснулась кожи. Двое спорщиков мгновенно притихли.

"Всё это начинает казаться перевёрнутым с ног на голову..."

Поначалу казалось, будто это родительское собрание, где отчитывают нашкодившего школьника. А теперь ощущения сменились кардинально: словно строгий учитель пытается разнять двух неуправляемых учеников, готовых вцепиться друг другу в глотки.

Впрочем, это не имело значения. Важно было лишь одно: заставить их признать авторитет создателя королей.

– Зачем рисковать и бросать безопасный маршрут?.. Об этом придётся спросить самого Джерарда. Он пришёл за помощью именно потому, что хотел взлететь быстрее, а не ползти годами. Никто его в спину не толкал.

– И есть план?

– Разумеется. Планирую задействовать внешние голоса.

По словам Джерарда, семейный совет напоминал лоскутное одеяло, разделённое на четыре группы: старший дядя, младший дядя, члены побочных ветвей семьи и управляющие трастами.

– Намерен сначала переманить на свою сторону побочные семьи и трастовых управляющих."

Услышав это, Джуди издала короткий, язвительный смешок.

– Это невозможно. У них нет ни единой причины отдавать свои голоса неопытному Джерарду.

– Доводилось слышать, что Джерарда недавно назначили временным генеральным директором.

– Это особое обстоятельство, форс-мажор. Просто временная мера, чтобы заткнуть дыру в кризисный период на один год. Ни за что на свете они не позволят ему занять это кресло на постоянной основе.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. Даже меня убедить не удалось, а уж их тем более.

Рэймонд уже открыл рот, чтобы вставить очередное замечание, но резким жестом выставленной ладони пришлось его остановить.

Больше никаких прерываний. Лимит исчерпан.

Настал решающий момент. Воздух наэлектризовался. Джуди наконец-то клюнула на наживку, которая так долго болталась у неё перед носом.

Впился взглядом в её глаза, не позволяя отвести взор, и продолжил, понизив голос.

– Тогда, что если получится убедить вас? Поддержите ли вы мой план в таком случае?

– Ну, тогда я, может быть, начну верить, что шанс есть.

– Нет. Просто верить в возможность недостаточно.

Не отрывая глаз от её лица, чеканил каждое слово, словно вбивал гвозди.

– Если план покажется убедительным, вы должны пообещать полное и абсолютное содействие для его успеха. Без оговорок.

Лоб Джуди прорезали глубокие морщины. На лице Рэймонда читалось такое же напряжение.

– Ожидаешь, что я дам такое обещание?

– Намерен убедить вас дать его.

– Это невозможно.

– Вы даже плана не слышали, а уже так категоричны. Считаю, что это вполне реально.

Губы сами собой растянулись в улыбке. Наконец-то расстановка сил стала идеальной, как на шахматной доске перед матом.

Теперь осталось только два пути, и каждый занял свою сторону. Это фундамент любого настоящего пари. Другими словами, удалось успешно втянуть Джуди в игру.

Следующий шаг был прост до безобразия. Чётко определить ставки в зависимости от исхода.

– Конечно, если сердце не лежит – можете отказаться. В таком случае признаю, что не удалось вас убедить, и полностью уываю руки от дел Джерарда. Но если преуспею, как было сказано ранее, вы обязаны пообещать безоговорочную поддержку.

Это была ставка на единственное место создателя королей.

Взгляд скользнул по лицам Джуди и Рэймонда, задерживаясь на каждом, прежде чем прозвучала финальная фраза.

– Ну так что? Выслушаете меня?

Суть предложенного пари сводилась к одному-единственному, но ёмкому слову: "убеждение".

А вот судьёй, решающим, удалось ли это самое убеждение, выступала сама Джуди. В этом смысле игра казалась заведомо нечестной, поле было наклонено в её сторону, а карты краплёные.

"Ну и пусть, это не имеет значения."

Волнения не было ни капли. Сердце билось ровно, ведь искусство убеждать – это скальпель, отточенный годами практики до бритвенной остроты.

Посмотрел на Джуди, смягчая взгляд, и спросил вкрадчиво, тихо:

– Прежде чем начнём, позвольте уточнить. Вы так уверены, что мой план обречён на провал... Могу узнать причину?

За плечами – репутация касатки, совершавшей невозможное раз за разом. Когда такой человек говорит о плане, странно не доверять. Потому и прозвучал этот вопрос. И, на удивление, Джуди ответила честно, глядя прямо в глаза.

– Признаю ваши способности. Но проблема именно в том, что они слишком исключительны.

Она перевела дыхание, и тонкий аромат дорогих духов на мгновение повис в воздухе.

– Ты – оружие с избыточно высокими характеристиками. В руках неопытного охотника оно способно принести непредвиденные беды и катастрофы... К сожалению, Джерард ещё слишком незрел и сыр, чтобы правильно владеть тобой.

Медленно кивнул, принимая аргумент.

– Кажется, понимаю вашу тревогу.

– Это не твоя вина, но надеюсь, ты понимаешь мои чувства.

– Понимаю. Для матери это совершенно обоснованный страх.

Согласился без колебаний. Довод был железным.

Но теперь, нащупав корень её главного страха, самое время было переключать рычаг в режим тотального убеждения.

Облизнул пересохшие губы, предвкушая интеллектуальную схватку.

– Вы только что сравнили меня с высокоточным оружием невиданной разрушительной силы... Но даже если охотник не совсем готов, разве не мудрее хотя бы подобрать ствол? Игнорировать его по такой причине рискованно – вдруг оружие перехватит более опытный стрелок?

– Перехватит?..

– Например, кто-то вроде сына вашего младшего брата.

Лицо Джуди застыло, словно покрылось коркой льда.

Она мгновенно поняла, на кого намекает метафора об "опытном охотнике". Сын младшего брата был сейчас самым опасным соперником Джерарда в грызне за наследство. У него имелась и законность притязаний, и реальные способности.

А что, если этот способный кузен заполучит в свои руки "Касатку, предсказывающую Чёрного лебедя"?

Осознав перспективу, Джуди прикусила губу, почти до крови.

– Значит... хочешь сказать, если мы не заявим права на это оружие сейчас, его заберёт кто-то другой?

– Если оставить отличное оружие валяться на земле, оно неизбежно окажется в чужих руках. Говорю об этом лишь потому, что беспокоюсь о таком исходе.

От этих слов её лицо окаменело ещё больше. Скрытый смысл сказанного дошёл до неё во всей полноте.

– Это ощущается... скорее как шантаж, чем как убеждение.

Справедливое замечание. Иногда, когда доводы слишком весомы, они давят на грудь не хуже бетонной плиты, напоминая принуждение.

Но разница между ними была чёткой и осязаемой.

Мягко улыбнулся, стараясь голосом сгладить напряжение.

– Шантаж? Это недоразумение. Шантаж навязывает волю силой. Здесь же решение целиком и полностью остаётся за вами.

Шантаж плюёт на желания жертвы, ломая через колено, а убеждение всегда предлагает выбор, пусть и очевидный. Как и было сказано ранее, намерение состояло в том, чтобы позволить Джуди самой сделать шаг.

– Как уже объяснял, нужна инфраструктура семьи маркизов. Сотрудничество с наследником неизбежно.

Иными словами, наследник маркиза так или иначе получит силу "Касатки". Весь вопрос лишь в одном: кто именно станет этим наследником?

– Надеюсь, этим человеком станет Джерард. Если судить только по способностям, кузен, возможно, был бы для меня лучшим выбором. Но предпочту пойти более сложным путём, чтобы посадить в это кресло Джерарда. Мы с ним хорошо сработались.

– ...

– Но это лишь моё личное пожелание. Поскольку дело касается Маркиз, считаю правильным следовать вашему решению, Джуди. Так что передаю выбор в ваши руки.

Кому отдать силу касатки: кузену или Джерарду? Решение всецело принадлежало ей.

Джуди молчала, погружённая в тяжёлые раздумья, а затем ответила голосом, налитым свинцом.

– Выбора на самом деле нет, так ведь?

– Что вы имеете в виду?

– Да... Я была... убеждена.

Как и ожидалось, она выбрала сына.

Но лицо её оставалось мрачным, словно грозовая туча. Вся ситуация, должно быть, казалась ей выкручиванием рук – и с этим ничего не поделаешь.

Однако позволять ей мариноваться в этих негативных эмоциях было нельзя. Сотрудничество, построенное на чувстве принуждения, хрупко, как стекло, и может треснуть в любой момент.

Нужно было немного смазать шестерёнки лестью.

– Искренне рад, что вы согласились. Честно говоря, эта операция абсолютно требует вашей помощи.

– Тебе нужна моя помощь?

– Да. Без вашего участия план лишится человека, играющего самую важную роль.

Первым делом следовало подчеркнуть важность Джуди. Так, даже если её используют, она будет чувствовать себя не марионеткой, которую волокут на верёвке, а значимой фигурой.

"Джерард – отличный тому пример."

На него тоже пришлось надавить шантажом, но стоило похвалить его лидерские качества и "убедить", как он стал генеральным директором и, казалось, начисто забыл о давлении.

Та же стратегия теперь применялась к Джуди.

– Важную роль, говоришь...

На краткий миг в её глазах мелькнула искра удовлетворения. Это было чувство куда более глубокое, чем простая радость.

– Если так подумать...

Она – племянница дядек, но по крови лишь наполовину принадлежит к этому кругу, вечная полукровка, жаждущая, чтобы семья наконец признала её своей, полноценной частью.

Иными словами, перед глазами человек с болезненной, неутолимой жаждой признания.

Это была важная зацепка, золотой ключик к её психике, холодный и твёрдый. Время подтвердит эту догадку.

– Ну что ж... Рэймонд...

Повернул голову, встречаясь тяжёлым взглядом с Рэймондом.

Его лицо, напряжённое, словно готовое взорваться потоком слов, но сдерживаемое титаническим усилием воли, приковало внимание. Скулы окаменели. Видимо, причина такого самоконтроля крылась в том, что загнуты были пока лишь два пальца.

Если бы он вмешался, третий палец коснулся бы ладони, кулак бы сжался, и встреча завершилась бы прямо здесь и сейчас.

"Может, стоит позволить ему уйти?.."

Внезапно, как вспышка молнии, пронзила мысль: Рэймонд может стать козырной картой в колоде.

В этом мире нет ничего, что нельзя было бы пустить в дело. Учитывая статус и вес Рэймонда, способ использовать его влияние непременно найдётся.

– Рэймонд, почему бы вам не остаться и не дослушать обсуждение до конца?

– Этот человек больше не имеет никакого отношения к нашей семье.

Джуди тут же взвилась, возражая резким, почти визгливым тоном, но пришлось снова поднять руку, властным жестом пресекая начинающуюся истерику.

– Прошу прощения, но тратить драгоценное время на мелкие склоки сейчас непозволительная роскошь.

Сказав это твёрдо, с металлическими нотками в голосе, посмотрел прямо в глаза Джуди.

– Мне также необходимо содействие Рэймонда. Если для вас это некомфортно, вы вольны разорвать наше партнёрство прямо здесь. Выбор за вами, Джуди.

Иными словами, исключение Рэймонда означало конец сотрудничества. В таком случае у "Касатки" оставался бы лишь один путь.

Что же выберет Джуди?

Тем временем за тяжёлыми дверями гостиной, в прохладном коридоре, нервно мерила шагами пол Рейчел.

Стук каблучков эхом отдавался в тишине, отсчитывая секунды. Её мать, Джуди, благодаря врождённой паранойе Маркиз, никому не доверяла, подозревая всех и каждого, и всегда атаковала первой, словно загнанный зверь.

"Это лишь вредит ей самой..."

Рейчел давно лелеяла надежду, что мать изменится, но, судя по всему, это было сродни ожиданию чуда.

Однако...

"Может быть..."

Может быть, Сергей Платонов сможет её изменить?

Так же, как он изменил саму Рейчел и Джерарда, перевернув их мир.

На мгновение эта светлая мысль скользнула в сознании, но тут же пришлось её отогнать. Мать так легко не переделать. Даже сейчас она наверняка копается в слабостях Сергея там, внутри, ищет, куда ударить побольнее.

От этой мысли волна липкого, ледяного беспокойства накрыла с головой.

– А что, если мама скажет что-то, что ранит Сергея?..

Снаружи он выглядит непробиваемой скалой, но внутри Сергей – человек мягкосердечный. Он носит в себе глубокие, незаживающие душевные шрамы. Ему пришлось пережить потерю дорогого человека из-за фонда "Кастлмен".

Если мать прознает о его прошлом и связи с этим фондом и начнет безжалостно ковырять старую рану...

Глаза Рейчел наполнились глубокой тревогой.

Но...

– Ранит? Этого парня?

Услышав тихое бормотание Рейчел, Джерард переспросил с выражением крайнего недоверия на лице, словно услышал самую глупую шутку в мире.

– Вот что я имею в виду, когда говорю, что ты слишком наивна. Ты волнуешься, что этот тип может пострадать?

– Сергей чувствительный. Он... более сострадательный, чем показывает.

Вспоминая шрамы, которые довелось видеть на его запястье раньше – тонкие белые линии, свидетели былой боли, – Рейчел произнесла это твёрдо.

Но Джерард лишь фыркнул, скривившись.

– Сострадание? Не смей меня... Этот человек выбрасывает всё, как только оно перестаёт быть полезным.

Образ Сергея Платонова, выжженный в сознании Джерарда, был однозначным и жёстким.

– Ну что, запускаем разоблачение?

Сколько бы Джерард ни умолял, Сергей холодно продавил разоблачение ради эффективности. После того как довелось увидеть эту его сторону – расчётливую, острую, как скальпель, – разговоры о мягкости или сострадании казались бредом.

– Этот парень никогда не поддаётся эмоциям или сантиментам. И уж точно его невозможно ранить.

– Если ты действительно так считаешь, Джерард, почему тогда так нервничаешь?

– Я?

Взгляд Рейчел скользнул к руке Джерарда.

К руке, которая уже битый час не находила себе места, теребя край пиджака, выдавая внутреннюю дрожь.

Пойманный с поличным, Джерард поспешно опустил руку, пряча её, и буркнул:

– Я за него не волнуюсь. Просто не уверен, пройдёт ли убеждение гладко.

План Сергея требовал сотрудничества матери, Джуди.

Но... действительно ли она захочет помочь?

Члены семьи маркизов относились к чужакам с параноидальной настороженностью и не доверяли молодому поколению. Сергей Платонов, в частности, был чужаком, да ещё и моложе Джерарда. Не было ни единого шанса, что она легко поддастся на уговоры кого-то вроде него. Более того, отец тоже находился в той комнате.

Эти двое часто сцеплялись в грызне, просто оказавшись в одном пространстве, воздух между ними искрил от ненависти, так что поднять какой-либо вопрос в такой обстановке было задачей почти невыполнимой.

Но как только Джерард погрузился в эти мрачные раздумья...

Дверь распахнулась с резким звуком, и наружу вышли Джуди и Рэймонд.

Родители выглядели слегка контуженными, словно только что сошли с боксёрского ринга, а вот на собственном лице, должно быть, читалось странное, неуместное облегчение.

– Ну, и как всё прошло?

– Обсудим детали после ужина. Слугам пора заканчивать работу, а лишние уши нам ни к чему.

Джерард понял намёк с полуслова. У стен тоже есть уши, и важные разговоры лучше отложить до момента, когда посторонние растворятся в ночи.

Поэтому следовавшая трапеза прошла в противоестественном, почти ватном спокойствии. Только звон столового серебра о дорогой фарфор нарушал тишину.

– Во сколько завтра начинается охота?

При вопросе отца взгляд матери мгновенно заострился, став похожим на лезвие. Обычно в такой ситуации она бы огрызнулась: "Зачем тебе это знать?" Но вместо этого она бросила короткий, опасливый взгляд в мою сторону и ответила на удивление сдержанно:

– В шесть утра.

В этот момент даже Джерард, кажется, заметил перемену. Его мать явно... оглядывалась на присутствующего гостя.

И не только это. Она заметно сдерживала яд, обычно предназначавшийся Рэймонду, и почти не участвовала в беседе, словно боясь сболтнуть лишнее. Учитывая привычное напряжение между супругами, искрящее как оголённый провод, подобное перемирие казалось невыносимым.

По лицу Джерарда читалось подозрение: "Неужели..."

Неужели и мать удалось прижать угрозой? Это было достаточно подозрительно, чтобы допустить такую мысль, но вот Рейчел, похоже, витала в облаках, думая о чём-то совершенно другом.

– Вы двое сегодня так хорошо ладите.

Наивный комментарий, будто появление Сергея Платонова чудесным образом склеило разбитую чашку их отношений. Именно эта наивность и заставляла тревожиться за неё.

Но скоро Рейчел узнает правду. Как только ужин закончится и начнётся настоящий разговор, маски будут сорваны. Джерард, с трудом подавляя нетерпение, механически отправлял еду в рот, желая поскорее узнать: согласились ли родители на сотрудничество и в чём, собственно, заключается план. Вкус еды, наверное, казался ему картонным из-за сжигающего изнутри любопытства.

Покончив с ужином и дождавшись, пока прислуга покинет дом, всей компанией перебрались в кабинет.

Пока шли по коридорам, Джуди явно не могла сосредоточиться. Казалось, её разум запутался в липкой паутине сложных мыслей.

"Он опасен". Это читалось в каждом её движении, в напряжённой спине. Она чувствовала угрозу ещё во время разговора. Сергей Платонов – безусловно, опасный человек.

Но...

"Лучше держать такого зверя на своей стороне, чем сделать его врагом".

Видимо, это и стало одной из причин её согласия. В конце концов, польза перевешивала риск. К тому же, цель – сделать Джерарда наследником – совпадала с её собственными амбициями. Это должно было успокаивать... Но тот факт, что альянс был скреплён чем-то, граничащим с шантажом, оставлял в её сердце тревожный, горький осадок.

Погружённые в эти мысли, вошли в кабинет, где пахло старой бумагой и кожей.

Настало время раскрыть карты.

– План таков: обеспечить голоса побочных родственников и управляющего трастом."

Стратегия заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой всех, кроме дядей.

Стоило это озвучить, как Джуди нахмурилась, и на её лбу пролегла глубокая складка.

– Кажется, ты не понимаешь, как распределяются права голоса в семейном совете.

Она принялась объяснять то, что и так было известно: голоса в совете не равны. У каждого свой вес.

Старший сын, Руперт – тридцать процентов. Второй сын, Десмонд — тридцать процентов. Побочная родня и управляющий трастом – по двадцать.

– Если выдвинуть предложение назначить Джерарда постоянным генеральным директором, Руперт и Десмонд определённо будут против. Это значит, что шестьдесят процентов голосов будет "против". Решение никогда не пройдёт.

Ни один из дядей – особенно младший, Десмонд – никогда не примет Джерарда в качестве преемника. А Руперт не позволит племяннику стать независимым и выскользнуть из-под контроля. Пока оба они против, план обречён.

Джуди выложила факты на стол, ожидая растерянности, но встретила лишь ледяное спокойствие.

– Значит, просто найдём способ протащить решение.

– Как?..

– Нужно всего лишь "убедить" одного из дядей.

Как только слово "убедить" сорвалось с губ, лицо Джуди окаменело. Она только что на собственной шкуре испытала, что скрывается за этим термином.

– Беспокоиться не о чем. Убеждать получается весьма неплохо.

По сути, это была декларация о намерениях шантажировать её братьев. И если это случится... Простая семейная вражда может перерасти в необратимую войну на уничтожение.

"Этого нельзя допустить". Читался в её глазах панический страх перед такой безрассудной идеей.

Но не успела она открыть рот, чтобы возразить, как пришлось перебить её, переводя разговор в нужное русло.

– Важнее другое. Насущная проблема сейчас – как переманить на нашу сторону дальнюю родню... и для этого, Джуди, понадобится ваша проницательность.

Пока говорил, долго и обстоятельно излагая детали, вдруг перевёл взгляд на Джуди и произнёс это вслух.

– Нуждаюсь в ней?..

Казалось, это короткое словосочетание вонзилось в её сердце странно глубоко, задев самые чувствительные струны.

Ведь, судя по всему, слышать подобное обращение напрямую ей доводилось крайне редко.

Зная её историю, нетрудно было догадаться: рождённая от наложницы, Джуди никогда не считалась в семье кем-то по-настоящему необходимым. Скорее, наоборот – была помехой, неудобным фактором. Сводные братья и сёстры вечно тряслись над тем, как бы она не прибрала к рукам права на управление, и даже не трудились скрывать своё презрение.

– Ладно ещё женитьба, но зачем ей было рожать ребёнка...

Подобные фразы, должно быть, часто долетали до её детских ушей, когда она только училась говорить. Заставляли чувствовать себя лишней, ошибкой, которой не стоило появляться на свет.

Она жила с этим липким ощущением всю жизнь – пока замужество не перевернуло страницу.

Муж, Рэймонд, нуждался в ней. Пусть он не кричал об этом на каждом углу, но это читалось в каждом его взгляде, в каждом жесте. И Джуди отдала всё, без остатка, чтобы поддержать супруга, используя мощь и влияние своей семьи, чтобы вознести его на вершину.

То странное, пьянящее чувство свершения, испытанное тогда... Впервые в жизни она ощущала себя по-настоящему счастливой, по-настоящему живой.

Но стоило мужу добиться успеха, как всё снова переменилось, словно карточный домик рассыпался от ветра. Он перестал в ней нуждаться.

Возможно, именно поэтому она так отчаянно цеплялась за сына, Джерарда. Отдавала всё ради его поддержки... Но порой казалось, что даже Джерард в глубине души тяготится этой помощью, неохотно принимая материнскую заботу.

И вот теперь...

Сергей Платонов сидит напротив и говорит, что нуждается в ней. Не в её происхождении, не в титуле – а в её проницательности. Иными словами, нужны именно её способности...

Странная, давно забытая эмоция, должно быть, всколыхнулась внутри, но по лицу было видно: Джуди усилием воли давит этот порыв.

"Просто дешёвая лесть".

Наверняка расценила это как поверхностный трюк, чтобы завоевать расположение. Она не настолько глупа, чтобы купиться на красивые слова.

Но...

Согласие на сотрудничество уже дано, и обещание придётся сдерживать. Она выпрямилась, голос зазвучал по-деловому сухо, но с нотками скрытой гордости.

– Среди побочных родственников есть двое, чьи голоса звучат громче всех – Гарольд и Патрисия... Если удастся убедить этих двоих, можно считать, что остальные тоже у нас в кармане.

Ключевая информация. Золотая жила.

Если перетянуть на свою сторону только этих двоих, поддержка всей фракции побочных ветвей будет обеспечена одним ударом.

– Но убедить их практически невозможно.

– Почему же?

– Они оба всецело на стороне Руперта.

– Разве они не могут сменить лагерь?

Джуди покачала головой, и в шелесте её платья послышалось категоричное отрицание.

– Не станут. То, чего они жаждут по-настоящему – это признание их влияния и положения.

Она прекрасно понимала психологию этой родни. Они тоже не были допущены к реальному управлению. Как и она сама, эти люди купались в деньгах, но задыхались от отсутствия смысла в жизни.

– Но Руперт всегда таскает их с собой на официальные мероприятия. Позволяет выступать в роли представителей семьи маркизов. Он даёт им именно то, чего они так жаждут – с какой стати им его предавать?

Выслушав этот блестящий анализ, не удалось сдержать искреннего, удивлённого кивка.

– Как и ожидалось... Ваша проницательность – это нечто особенное, Джуди. Честно говоря, впечатлён.

Ещё один непривычный комплимент. Лицо Джуди снова окаменело, словно она надела маску безразличия.

– Подобная лесть на меня не подействует.

Она отрезала это жёстко, но пришлось лишь смущённо улыбнуться, не отступая.

– Это в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.